

**Я. В. Рафикова****Парные погребения западноалакульской (соль-илецкой) культурной группы: хронология, генезис, интерпретация**

В статье анализируется хронологически неоднородная выборка парных разнополоых погребений западноалакульской культурной группы (соль-илецкого типа) из Оренбургского Приуралья. Самые ранние погребения (всего 4) относятся к поздней фазе петровского (2) и ранней фазе кулевчинского (2) этапов. Наиболее многочисленна группа парных погребений поздней фазы кулевчинского этапа (13). Крайне мало погребений развитого (классического) этапа (2). Основной характерной чертой для рассматриваемых погребений является наличие разнополой пары, как правило, в «позе объятий». Для погребений раннего времени характерно наличие покровских (раннесрубных) признаков, выраженных в ориентировке, керамике и инвентарном наборе. Отсутствие сопоставимых парных погребений в «местных» синташтинских могильниках позволяет связывать их генезис именно с покровским влиянием. Парные погребения раннего времени могут быть интерпретированы как захоронения «архаических лидеров» с сопровождающими их женщинами. Погребения последующего времени трактуются как захоронения супругов (брачных пар).

**Ключевые слова:** Оренбургское Приуралье, поздний бронзовый век, западноалакульская культурная группа, парные погребения.

**Введение**

Совместные погребения, в том числе и парные разнополоые захоронения в культурах степной бронзы Евразии — ямной, катакомбной, срубной, с самого начала своего открытия привлекали внимание исследователей [12, с. 179, 192—193; 3, с. 117—119]. На следующих этапах изучения эпохи бронзы степной Евразии было выяснено, что круг культур этого времени с парными разнополоыми погребениями, где усопшие размещались лицом друг к другу, гораздо шире. Подобные погребения были открыты на Южном Урале, в Западном, Центральном и Восточном Казахстане, в Средней Азии, Западной Сибири [35; 47; 20; 29; 19; 44, с. 53—55, 63, 71; 45, с. 159; 27; 36; 9; 55]. На сегодняшний день основная доля рассматриваемых погребений выявлена в могильниках андроновской КИО, а среди круга культур этой общности — в алакульской [39]. В алакульских древностях рассматриваемые погребения в основном сосредоточены в могильниках трех ее культурных групп: западноалакульской (соль-илецкого типа), кожумбердынской и зауральской (срубно-алакульской), где в совокупности нам известно более 70 парных разнополоых погребений, и с каждым годом эта выборка имеет тенденцию к увеличению.

Надо сказать, что парные погребения этих трех культурных групп (вариантов) изучены в разной степени. Наибольшее количество работ посвящено кожумбердынским парным погребениям [20; 35; 40; 42; 47]. Зауральским срубно-алакульским парным погребениям достаточное внимание было уделено в наших работах [37; 38; 41, с. 138—146]. Парные погребения западноалакульской (соль-илецкой) культурной группы никогда не становились объектом специального рассмотрения. Этому препятствовали объективные факторы — их относительно небольшая численность, а также отсутствие публикаций значительного количества этих комплексов. В целом же назрел дифференцированный анализ парных погребений по отдельным вариантам (группам), который позволит выявить особенности этого обряда в каждой из групп, уточнить их хронологическую позицию, вопросы генезиса и в целом приблизиться к пониманию содержательной стороны этих погребений.

© Рафикова Я. В., 2019

Внимание к парным погребениям западноалакульской культурной группы обусловлено в первую очередь тем, что ее памятники располагаются на самой западной окраине алакульского мира, непосредственно примыкающей к территории срубной культуры. Это зона, в которой, как не раз уже отмечалось специалистами, контакты между населением двух культур имели наиболее интенсивный характер, что отразилось и в обряде парного разнополого погребения.

Соль-илецкий тип (вариант) алакульской культуры был выделен в свое время Е. Е. Кузьминой на основании своеобразия керамической посуды и элементов погребального обряда могильников Увак, Пятимары, Мечет-Сай, Близнецы, Ветлянка IV и некоторых других, расположенных в среднем течении р. Илек. Она указала на влияние срубного обряда в погребальных комплексах, выраженное в многочисленности периферийных захоронений и северо-восточной ориентировке погребенных, помимо этого к срубным чертам она отнесла расчесы на поверхности сосудов [21, с. 46, 122, рис. 4, 24, 5, 6, 10, 12; 22, с. 269—270]. По ее мнению, этот тип (вариант) формируется довольно рано, синхронизируется с «раннекожумбердынскими и срубными покровского этапа» [22, с. 270].

Позднее В. В. Ткачев памятники соль-илецкого типа вкупе с исследованными им в районе г. Актюбинска могильниками объединил в западноалакульскую культурную группу. В серии его работ основное внимание сосредоточено на проблемах генезиса и относительной хронологии раннего периода этой культурной группы [48—53]. Подавляющее большинство могильников автор определил как раннеалакульские (ПБВ-2), функционирование которых отнес к двум хронологическим этапам: петровскому и кулевчинскому, представляющим этапы эволюции синташтинской культуры в алакульскую на территории степного Приуралья [49, с. 53, рис. 5; 52, с. 321—338]. При определении хронологической позиции конкретных памятников Ткачев пользуется и более дробной градацией: «поздняя фаза петровского этапа», «ранняя фаза кулевчинского этапа» [50, с. 118—119; 51, с. 68]. К материалам западноалакульской группы методы абсолютного датирования не применялись. Поэтому хронологическая позиция комплексов устанавливалась с учетом системы относительной хронологии, разработанной В. В. Ткачевым.

#### **Задачи, методы исследования**

Работа посвящена решению нескольких задач. Основной из них является развернутая характеристика парных погребений западноалакульской культурной группы, включающая количественный, хронологический, половозрастные аспекты, а также локализацию погребений на подкурганной площадке, особенности могильных сооружений, нарушенность погребений, ориентировку, положение и инвентарь усопших. На основе этого анализа решаются проблемы генезиса парных погребений и их интерпретации.

При решении поставленных задач применен комплекс методов, включающий картографический, сравнительный, дедуктивный и индуктивный, а также методы анализа и синтеза.

#### **Количественные характеристики и хронология**

Большинство могильников с парными погребениями приурочены к среднему течению р. Илек: Мечет-сай, Увак, Ветлянка IV, Ульгули I, Илекшар II, Обилькин Луг III. Два могильника — Кардаиловский I, Краснопартизанский II расположены севернее, на левом берегу р. Урал. И только одно захоронение — Восточно-Курайли I 24/2 — происходит с территории верхнего течения р. Илек (рис. 1). Всего в 9 могильниках обнаружено 19 парных погребений (с общим количеством 20 пар), что составляет примерно 11,7% от остальных, преимущественно одиночных погребений из рассматриваемых могильников.

Мы сочли необходимым включить в выборку два захоронения, не строго соответствующие критериям парного погребения, в них помимо пары находились и останки других покойников. В Восточно-Курайли I 24/2 это были черепа двух детей — 1 года и 1,5 лет (рис. 2, 4), в Краснопартизанский II 3/2 в ногах двух подростков «находился третий скелет, положение которого не определяется» [30, с. 10] (рис. 4, 2). Кроме того, в уникальном погребении Ветлянка IV 9/7 две пары располагались головами друг к другу (рис. 3, 5).

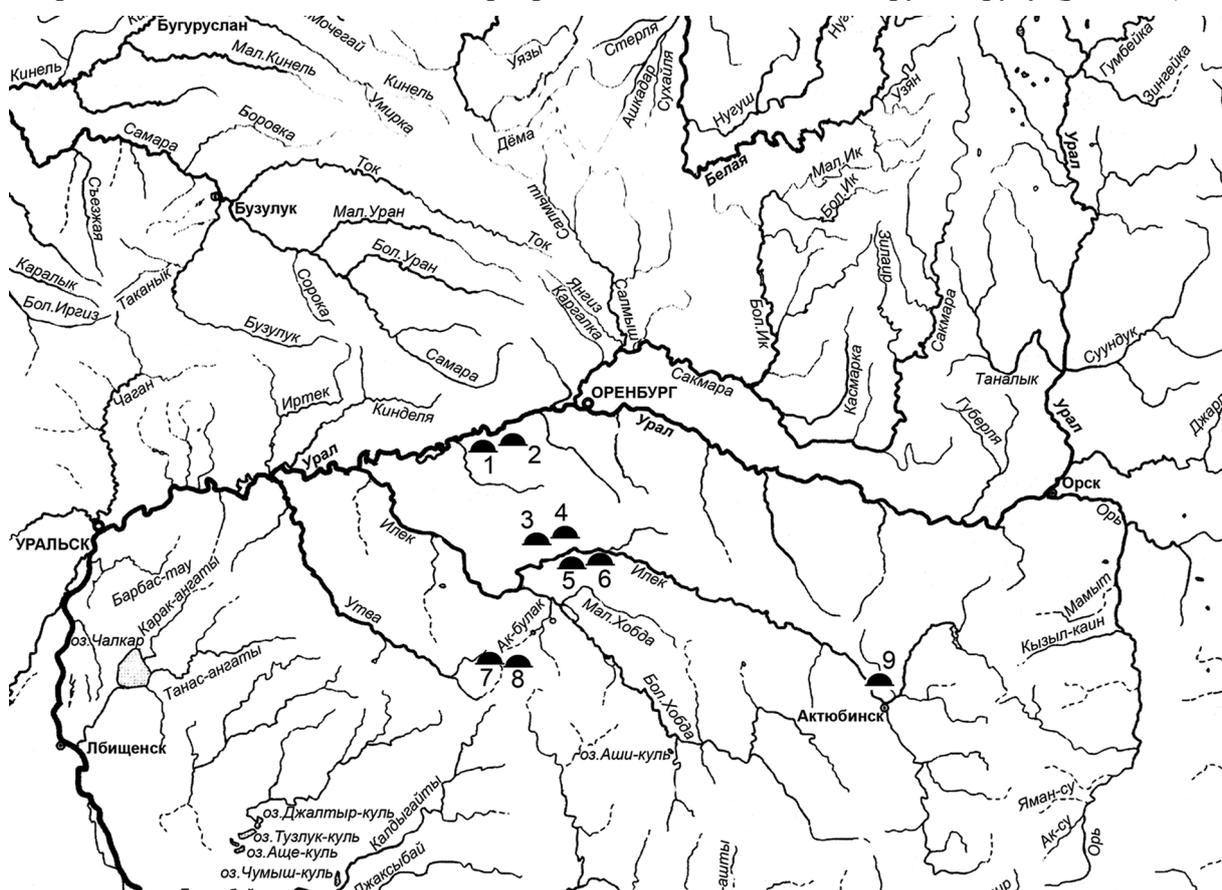


Рис. 1. Могильники с парными погребениями западноалакульской культурной группы. 1 — Кардаиловский I, 2 — Краснопартизанский II, 3 — Ветлянка IV, 4 — Обилькин Луг III, 5 — Мечет-Сай, 6 — Увак, 7 — Ульгули I, 8 — Илекшар II, 9 — Восточно-Курайли I

В подавляющем большинстве некрополей обнаружено по одному парному погребению, за исключением могильников Ульгули I (2), Увак (5) и Ветлянка IV (6). Погребения из последних двух могильников составили почти две трети рассматриваемой выборки. И только в этих могильниках зафиксирована ситуация, когда под одной насыпью располагалось более одного парного погребения — 2 (курган 9 Увак), 3 (курган 15 Увак) и 4 (курган 9 Ветлянка IV).

Доля парных погребений среди остальных погребений в каждом могильнике определяется с некоторой долей условности. Из всех некрополей только один исследован полностью — одиночный курган Илекшар II, в котором парное погребение оказалось единственным (100%) погребением эпохи поздней бронзы. Все остальные могильники раскопаны лишь частично, и на долю парных погребений в наиболее полно исследованных некрополях приходится от 3,8 до 20,8%.

Привлеченные к анализу комплексы хронологически неоднородны, как неоднородны они и по сочетанию культурных компонентов, в основном срубного и алакульского, в

некоторых случаях это касается и погребений в пределах одного могильника, наиболее выпукло это проявляется в могильнике Ветлянка IV, на что обратил внимание В. В. Ткачев [50, с. 118].

Распределение комплексов по хронологическим периодам произведено в целом в соответствии с разработанной Ткачевым системой относительной хронологии западноалакульской культурной группы, с небольшими уточнениями.

К поздней фазе петровского этапа мы относим два погребения из Ветлянки IV: 11/3 и 14/2 (рис. 2, 1, 2), к начальной фазе кулевчинского этапа — также два погребения: Восточно-Курайли I 24/2 (рис. 2, 4) и Обилькин Луг III 25 (рис. 2, 3).

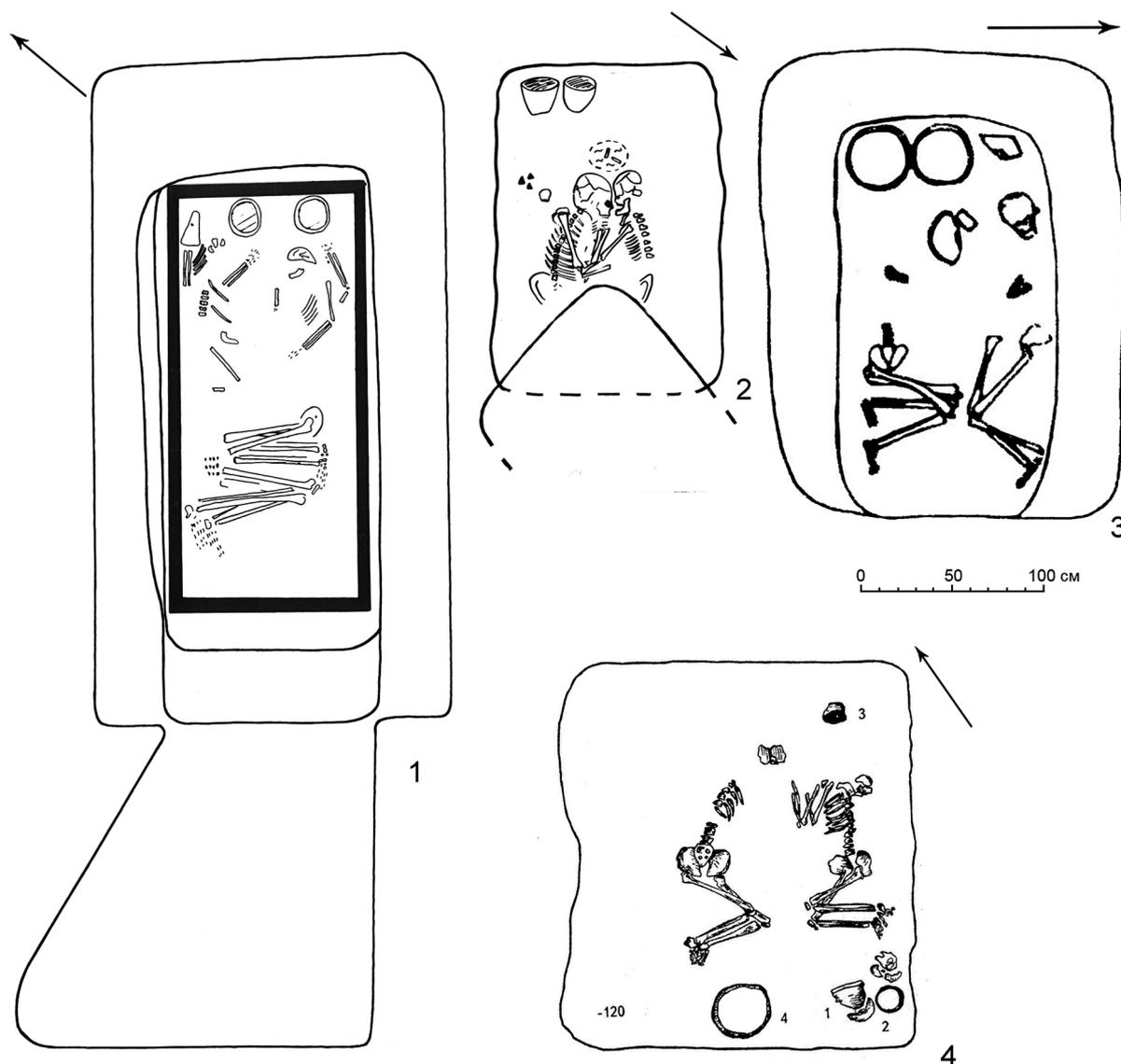


Рис. 2. Парные погребения западноалакульской культурной группы поздней фазы петровского (1, 2) и ранней фазы кулевчинского (3, 4) этапов: 1 — Ветлянка IV 14/2; 2 — Ветлянка IV 11/3; 3 — Обилькин Луг III 25; 4 — Восточно-Курайли I 24/2; 1 — по: [6], 2 — по: [10; 11], 3 — по: [14], 4 — по: [51]

Подавляющее большинство погребений — 13 (68,4%), на наш взгляд, имеет несколько более позднюю хронологическую позицию, соответствующую поздней фазе кулевчинского этапа: Мечет-Сай 5/1, Увак 9/1, 9/2, 15/11, 15/16, 15/21, Ветлянка IV 9/7, 9/12, 9/27, 9/28, Илекшар II 6, Ульгули I 4/5, 5/2 (рис. 3).



Рис. 3. Парные погребения западноалакульской культурной группы поздней фазы кулевчинского этапа: 1 — Ульгули I 4/5; 2 — Мечет-Сай 5/1; 3 — Увак 9/1; 4 — Илекшар II 6; 5 — Ветлянка IV 9/7; 6 — Ветлянка IV 9/12; 7 — Увак 15/21; 8 — Увак 15/11; 9 — Увак 15/16; 10 — Увак 9/2; 11 — Ульгули I 5/2; 1, 11 — по: [7]; 2 — по: [5]; 3, 7—10 — по: [4], 4 — по: [13], 5, 6 — по: [11]

К развитому (классическому) этапу алакульской культуры отнесены всего два парных погребения: Кардаиловский I 24/4 и Краснопартизанский II 3/2 (рис. 4).

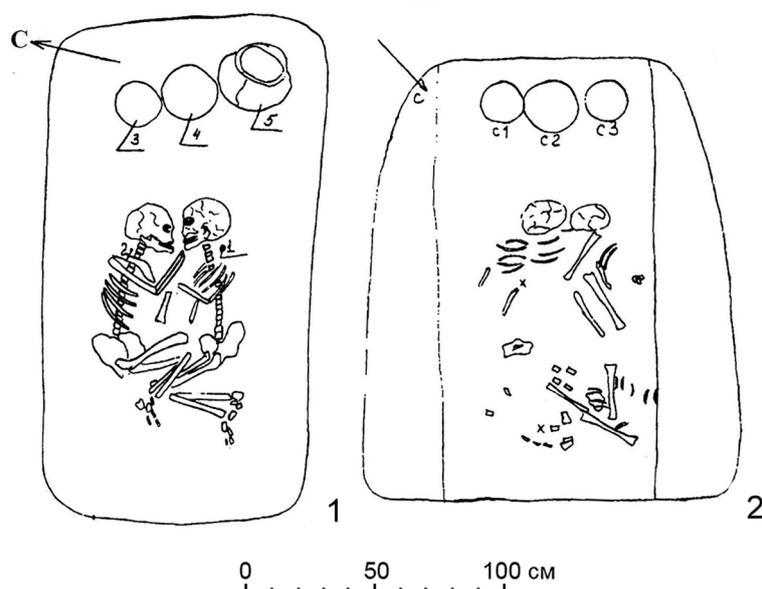


Рис. 4. Парные погребения западноалакульской культурной группы развитого (классического) этапа. 1 — Кардаиловский I 24/4, 2 — Краснопартизанский II 3/2; 1, 2 — по: [30]

Таким образом, большинство парных погребений — 13 (68,4%) — относится к концу кулевчинской фазы, на долю ранних фаз (конца петровской и начала кулевчинской) приходится по 2 погребения (по 10,5%), также 2 парных погребения (10,5%) приходится и на долю классического этапа.

#### Пол и возраст погребенных

Значительное количество алакульских парных погребений не имеет квалифицированных антропологических определений, однако во всех случаях, где они имеются, в могиле находилась разнополая пара [39].

В рассматриваемой западноалакульской группе только для одного погребения сделаны квалифицированные определения пола и возраста погребенных — Восточно-Курайли I 24/2 (рис. 2, 4), в котором на левом боку находился мужчина 18—20 лет и на правом боку индивид 15—18 лет, пол которого не определен [51, с. 51].

В подавляющем большинстве захоронений возраст и пол усопших устанавливался авторами раскопок по размеру костяков и погребальному инвентарю, и практически во всех этих случаях погребенные были определены как разнополые. Как правило, авторы устанавливали женскую принадлежность костяка по наличию украшений и меньшему его размеру по сравнению с располагающимся рядом более крупным костяком без украшений, таковых 14 пар. В двух из этих погребений у костяка, определенного как мужской, находилось оружие: булава (Ветлянка IV 11/3) и костяные наконечники стрел (Ветлянка IV 14/2). Еще в двух захоронениях у костяков также предположительно мужского пола рядом находились только астрагалы (Илекшар II 6 и Увак 15/11). В одном случае в детском погребении Увак 9/2 позади тазовых костей предположительно мальчика обнаружено скопление пастовых бус. В остальных девяти случаях мужской (?) костяк не имел инвентаря.

Никакого личного инвентаря не зафиксировано у обоих покойников из трех нарушенных погребений — в уже упомянутом Восточно-Курайли I 24/2 (рис. 2, 4) и захоронения взрослых Увак 9/1 (рис. 3, 3) и подростков Краснопартизанский II 3/2 (рис. 4, 2).

В увакском погребении, где нижняя часть костяков оставлена нетронутой, по крупным останкам покойника на левом боку автор предполагает, что они принадлежали мужчине, а по меньшим останкам лежавшего на правом боку — молодой женщине или подростку [4, с. 10]. Относительно половой принадлежности подростков из Краснопартизанский II 2/3 сведений нет.

В одном случае есть некоторое сомнение в определении пола погребенного автором раскопок. Нарушенное погребение взрослого с ребенком Увак 15/21 (рис. 3, 7) в тексте отчета Э. А. Федоровой-Давыдовой определено как погребение «очень молодой женщины и ребенка» [4, с. 24]. Здесь у тазовых костей взрослого человека были найдены пряжка из раковины и кремневый наконечник стрелы, а около разворошенных ребер с его стороны находилось скопление пастовых бус. Пряжка из раковины и кремневый наконечник стрелы характерны для мужских погребений, а насчет компактного скопления бусин можно предположить, что они не от какого-то женского украшения, а, возможно, остатки вышивки какой-то емкости (мешочка?), внутри которой могли быть какие-то не сохранившиеся органические материалы (?). Как уже упоминалось выше, в детском погребении этого же могильника Увак 9/2 (рис. 3, 10) скопление пастовых бус располагалось за тазом покойника, тоже лежавшего на левом боку (мальчика?).

Еще в одном случае — в описании погребения подростков Кардаиловский I 24/4 (рис. 4, 1) — не указано, какой из костяков сопровождался украшениями (желобчатый браслет и два желобчатых кольца) [30, с. 18].

Только в одном захоронении — Ветлянка IV 9/12 (рис. 3, 6) — украшениями сопровождался оба костяка, причем лежащий на правом боку имел более разнообразный набор украшений (табл. 2).

Таким образом, можно заключить, что кроме последнего случая, где не исключена вероятность захоронения однополых индивидов (девушек?), в парных захоронениях западноалакульской культурной группы находились разнополые покойники.

Что касается возраста, то в целом по выборке преобладают погребения взрослых, их 10 (50%), погребения остальных возрастных групп количественно им уступают: подростков — 5 (25%), детей — 4 (20%) и 1 взрослого с ребенком (5%).

Самые ранние погребения представлены исключительно захоронениями взрослых. Оба погребения конца петровской фазы происходят из одного могильника Ветлянка IV, причем, по мнению автора раскопок, в Ветлянке IV 11/3 находились «два скелета взрослых людей со следами старческих изменений» [10, с. 173]. К взрослым же можно причислить и людей из погребений начала кулевчинской фазы. В одном из них находились покойники, возраст которых определен антропологом — 18—20 и 15—18 лет (Восточно-Курайли I 24/2), в другом (Обилькин Луг III 25) возраст погребенных устанавливал автор раскопок, отнесший их к подросткам 12—14 лет [14, с. 39]. Однако в этом случае размеры могильной ямы 2,2×1,25 м (без учета уступа), в которой скелеты занимали практически все пространство за вычетом места постановки сосудов, размещенных над их головами вплотную к короткой стенке могилы, а также величина костей скелетов свидетельствуют в пользу отнюдь не подросткового возраста усопших.

На поздней фазе кулевчинского этапа в большинстве погребений захоронены взрослые, их 6 (42,9%), далее по убывающей: детские захоронения — 4 (28,6%), подростковые — 3 (21,4%) и взрослого с ребенком — 1 (7,1%). Только в этой хронологической группе имеются детские погребения.

Развитое (классическое) время представлено только двумя погребениями подростков.

### Положение на подкурганной площадке

Центральное положение на подкурганной площадке надежно зафиксировано в 6 (31,6%) случаях (табл. 1). Такую позицию имели все погребения раннего времени и два<sup>1</sup> погребения конца кулевчинской фазы (Мечет-Сай 5/1 и Увак 9/1). Во всех случаях в погребениях находились останки взрослых людей. Только одно из них было единственным на подкурганной площадке (Обилькин Луг III 25), остальные погребения происходят из курганов с двумя и более захоронениями. Причем в трех случаях центральное расположение на подкурганной площадке парные погребения делили с другими могилами. Так, в кургане 24 Восточно-Курайли I помимо могилы с парным погребением в центре располагались еще две могилы с одиночными погребениями взрослых. В кургане 5 Мечет-Сай парное погребение взрослых находилось в центре рядом с одиночным погребением взрослого. Особый случай в кургане 14 Ветлянки IV — северный угол могилы с парным погребением смыкается с юго-западным углом ямы 6, в которой, по данным исследователей, находилось нарушенное захоронение с отпечатками колес колесницы [11, с. 32, рис. 16].

Все периферийные погребения взрослых располагались на южных участках подкурганной площадки (табл. 1). На южном же участке локализовалось и единственное погребение взрослого с ребенком (Увак 15/21). Определенная тенденция прослеживается и в расположении периферийных подростковых погребений — три из них находились на восточном участке площадки (Увак 15/11, Ветлянка IV 9/12, Кардаиловский I 24/4), по одному на северо-восточном (Краснопартизанский II 3/2) и на юго-западном (Ветлянка IV 9/7<sup>2</sup>). Все детские погребения происходят исключительно с периферийных участков, два с северо-западного (Увак 9/2, Ульгули I 5/2) и два с юго-западного (Увак 15/16, Ветлянка IV 9/28).

Таким образом, одним из факторов дифференцированного размещения могил на подкурганной площадке являлся возраст погребенных. Центральную позицию занимали погребения взрослых. Периферийные же погребения взрослых локализовались на южном участке подкурганной площадки. Все подростковые и детские погребения находились на периферийных участках. Подростковые погребения размещены преимущественно в восточном секторе, детские тяготеют к западным секторам.

Таблица 1

Характеристика планиграфической ситуации в курганах с парными погребениями

№	Наименование погребения	Расположение могилы		Планиграфическая ситуация на погребальной площадке	
		центр	периферия участка	расположение могил	погребений эпохи поздней бронзы
<b>Поздняя фаза петровского этапа</b>					
1	Ветлянка IV 11/3 взр.	+		тяготеет к линейному	<b>8</b>
2	Ветлянка IV 14/2 взр.	+		без видимой системы	<b>5</b>
<b>Начальная фаза кулевчинского этапа</b>					
3	Обилькин Луг III 25 взр.	+		1 в центре	<b>1</b>

<sup>1</sup> Не исключено, что и погребение 6 из кургана Илекшар II изначально могло располагаться в центре, а нынешнее его периферийное восточное положение обусловлено изменением конфигурации насыпи в результате совершения подзахоронений в кургане в эпоху РЖВ.

<sup>2</sup> Это погребение учтено и во взрослой группе, поскольку, по определению авторов раскопок, одна пара костяков — взрослый с подростком, другая — подростки.

№	Наименование погребения	Расположение могилы		Планиграфическая ситуация на погребальной площадке	
		центр	периферия участка	расположение могил	погребений эпохи поздней бронзы
4	Восточно-Курайли I 24/2 взр.	+		3 в центре	3
<b>Поздняя фаза кулевчинского этапа</b>					
5	Увак 9/1 взр.	+		1 в центре + 1 на периферии	2
6	Увак 9/2 реб.		сз	1 в центре + 1 на периферии	2
7	Увак 15/11 подр.		в	центрально-круговое	19
8	Увак 15/16 подр.		юг	центрально-круговое	19
9	Увак 15/21 взр. + реб.		юг	центрально-круговое	19
10	Мечет-Сай 5/1 взр.	+		2 в центре	2
11	Ветлянка IV 9/7 взр. + подр., подр. + подр.		юз	центрально-круговое (?)	32
12	Ветлянка IV 9/12 подр. (оба с украшениями)		в	центрально-круговое (?)	32
13	Ветлянка IV 9/27 взр. нет плана		юз	центрально-круговое (?)	32
14	Ветлянка IV 9/28 дети, нет плана		юз во рву	центрально-круговое (?)	32
15	Ульгули I 4/5 взр.		юг	центрально-круговое	7
16	Ульгули I 5/2 дети		сз	полукруг-линейное	8
17	Илекшар II 6 взр.		?	?	1?
<b>Развитый (классический) этап</b>					
18	Кардаиловский I 24/4 подр.		в	линейное	3
19	Краснопартизанский II 3/2 подр.		св	центр (1) — периферия (2)	3

### Могильные сооружения, перекрытия, заполнение могил, подсыпка дна

Могильные сооружения всех погребений представлены грунтовыми ямами, углубленными в материк. Дополнительные конструктивные детали зафиксированы в 4 случаях (21,1%).

Наиболее усложненную конструкцию могилы имело погребение раннего времени Ветлянка IV 14/2. С юго-западной стороны ямы был оформлен тамбур, полого спускавшийся в камеру, а с трех других ее сторон были сделаны заплечики. На дне вдоль ее стенок располагался двухвенцовый сруб (рис. 2, 1).

В остальных случаях особенности устройства могильных ям представлены в основном уступами вдоль стен. Одна из могил ранней фазы кулевчинского этапа Обилькин Луг III 25 имела уступы с трех сторон — двух длинных и одной короткой. На уступах двух ям поздней фазы кулевчинского этапа Ветлянка IV 9/27 и Увак 15/16 держались поперечные деревянные плахи перекрытия. Причем в последнем случае уступ был оформлен не сверху, а в стенках могилы в виде выемок примерно на уровне середины ее глубины от материка.

Длинные стенки одной из могил развитого (классического) этапа Краснопартизанский II 3/2 полого спускались ко дну, так что в верхней части могила была шире, чем в нижней (рис. 4, 2).

Более половины ям — 10 (52,6%) — имели прямоугольную в плане форму с закругленными углами, показатель отношения длины к ширине у них не превышал 2, в основном колебался от 1,3 до 1,8.

В шести случаях (31,6%) у могил показатель отношения длины к ширине был выше 2, их можно отнести к удлинённым: Ветлянка IV 14/2 и 9/7, Увак 15/11 и 15/21, Мечет-Сай 5/1, Ульгули I 4/5. Причислить яму Ветлянка IV 9/7 к удлинённым можно с той оговоркой, что ее самый высокий в этой группе показатель отношения длины к ширине 3,3 обусловлен нахождением в ней двух пар усопших, уложенных головами друг к другу, между которыми находились три сосуда, поставленные в ряд (рис. 3, 5). Особенности формы могил этой группы (узкие и удлинённые) очевидны и без математических расчетов. Видимо, такая форма могил является спецификой западноалакульского погребального обряда в целом, поскольку и могильные ямы одиночных погребений имеют подобные пропорции.

В трех случаях (15,8%) ямы в плане имели квадратную форму: Восточно-Курайли I 24/2, Ветлянка IV 9/27, Илекшар II 6, показатель отношения длины к ширине приближался к 1. В двух из этих могил погребенные были уложены на некотором расстоянии друг от друга, в отличие от всех остальных погребений, где усопшие укладывались тесно прижатыми друг к другу.

Отмеченные различия формы и пропорций могильных ям не имеют хронологической обусловленности.

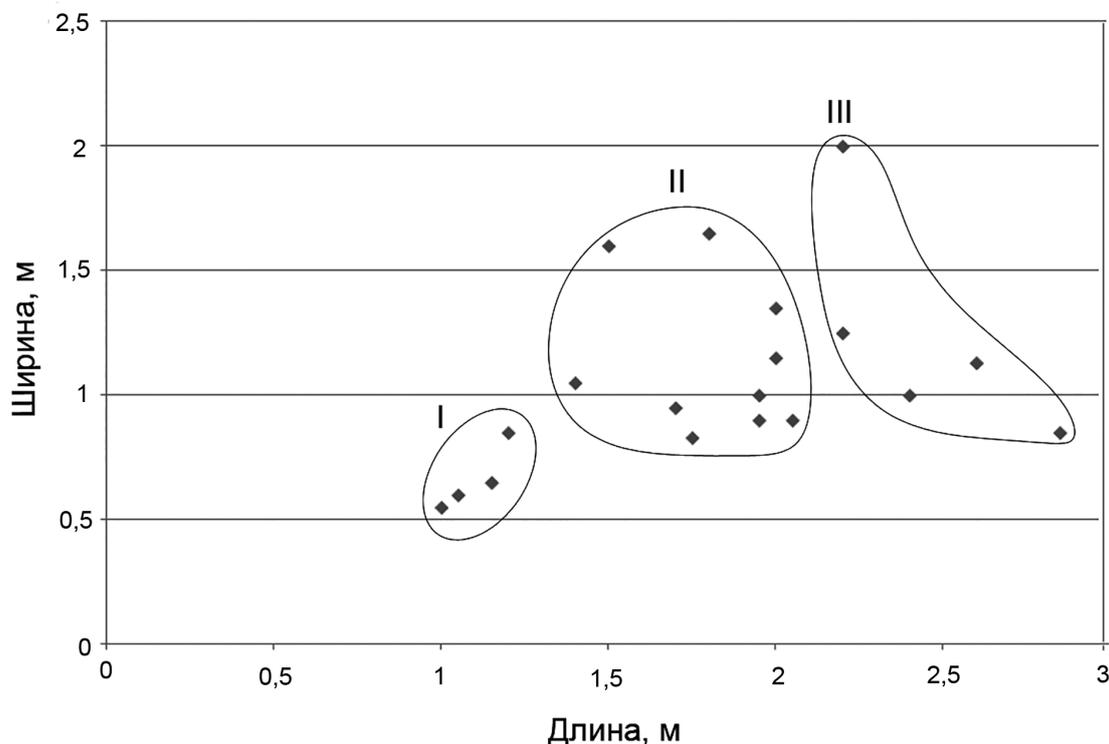


Рис. 5. Группировка могильных ям парных погребений западноалакульской культурной группы по длине и ширине. I — ямы малых размеров, II — ямы средних размеров, III — ямы больших размеров

На графике группировки могил по длине и ширине (рис. 5) в группе больших — длиной от 2,2 до 2,85 м и шириной от 0,85 до 2 м — оказалось 5 (26,3%) могил. В эту группу попали практически все могилы раннего периода, кроме одной — Ветлянка IV 11/3 (истинная длина которой неизвестна), и две могилы поздней фазы кулевчинского этапа —

Ветлянка IV 9/7 (с двумя парами погребенных) и Мечет-Сай 5/1. Во всех погребениях находились взрослые люди, кроме одной пары подростков в Ветлянке IV 9/7.

Группу ям средних размеров длиной от 1,4 до 2 м, шириной от 0,83 до 1,65 м составили 10 (52,6%) могил. Из них пять погребений взрослых, одно — взрослого с ребенком и четыре подростковых.

В группе малых ям длиной от 1 до 1,2 м, шириной от 0,55 до 0,85 м оказались все четыре (21,1%) детских погребения.

В целом размеры могильных ям зависели от возраста усопших, однако в раннем периоде налицо тенденция совершения погребений взрослых в могилах, отличающихся более внушительными размерами.

Перекрытия зафиксированы всего над пятью (26,3%) могилами. В двух случаях это были каменные плиты (Восточно-Курайли I 24/2, Мечет-Сай 5/1), еще в двух — поперечные деревянные плахи, державшиеся на уступах стенок могил (Увак 9/16, Ветлянка IV 9/27), и еще в одном — камышовое перекрытие толщиной 0,2 м (Ветлянка IV 14/2). Только одно погребение с перекрытием являлось детским (Увак 9/16), под остальными находились взрослые люди.

В ряде погребений прослеживались следы органических покрытий, подстилок и меловых подсыпок. Особенно это характерно для погребений могильника Ветлянка IV, причем не только парных. В этом могильнике из шести парных захоронений только в двух (Ветлянка IV 9/12 и 9/28) не фиксировались упомянутые детали.

Оба ранних погребения Ветлянки IV отличало присутствие камышовых покрытий и меловых подсыпок. Следы тлена от покрытия усопших слоем камыша толщиной до 2—3 см волокнами поперек могилы прослежено в захоронении Ветлянка IV 11/3. Заполнение этого погребения состояло из суглинка, перемешанного с меловой крошкой в три слоя: на дне могилы, над погребенными и над могильной ямой. Дно могилы Ветлянка IV 14/2 под погребенными и срубом было подсыпано мелом и накрыто тонким слоем камыша [10, с. 173—175].

Еще в двух погребениях Ветлянки IV, отнесенных к концу кулевчинской фазы, была обнаружена подсыпка мелом: в 9/7 прослойки мела прослежены в заполнении над костяками, а также по всему дну, а в 9/27 мелом подсыпано только дно могилы [10, с. 170—171].

На дне трех могил этого же периода прослежены остатки органической подстилки: в двух погребениях из Ульгули I по предположению авторов это был войлок, а в Увак 15/16 — древесная кора [7, с. 25, 28; 4, с. 22].

Подсыпка мелом под костяками зафиксирована еще в одном погребении, но оно относится уже к развитому (классическому) этапу — Кардаиловский I 24/4 [30, с. 18].

### **Нарушенность погребений**

Из 19 погребений нарушенными являются семь (36,8%): Ветлянка IV 11/3 и 14/2, Восточно-Курайли I 24/2, Обилькин Луг III 25, Мечет-Сай 5/1, Увак 9/1 и 15/21, а также, возможно, Краснопартизанский II 3/2.

Подавляющее большинство погребений — 6 (75%) — нарушены в головной (верхней) части. Одно захоронение — Ветлянка IV 11/3 (рис. 2, 2) — нарушено в нижней части перерезавшей его могилкой эпохи РЖВ [6, с. 22, 25] и еще одно — Краснопартизанский II 3/2 (рис. 4, 2), видимо, в средней части (?). Автор упоминает только о невозможности определения в нем положения третьего скелета, лежащего в ногах у пары [30, с. 10], но на рисунке видно, что нарушена целостность всех скелетов (рис. 4, 2).

В погребении Восточно-Курайли I 24/2 (рис. 2, 4) отсутствие черепов у костяков В. В. Ткачев объясняет намеренной декапитацией и приводит еще два случая в этом могиль-

нике с захоронением останков без черепа [49, с. 57]. Однако, на наш взгляд, отсутствие черепов объясняется нарушением погребения. Обращает на себя внимание, что каменная наброска фиксировалась только в западной половине заполнения этой могилы, а восточная, где камней не было, приходится на ее головную часть. Здесь у предполагаемого изголовья мужчины находилась часть сосуда, фрагменты которого были встречены в заполнении. У скелетов помимо черепов отсутствовали и другие кости — рук у мужчины и кистей рук у скелета на правом боку. Эти факты скорее всего свидетельствуют именно о нарушении северо-восточной головной части погребения.

Нарушенность верхней части скелетов в Увак 15/21 автор раскопок объясняет действиями грызунов [4, с. 24].

Очевидная причина нарушения погребения имеется только в одном случае — прорезание сарматской могилы нижней части захоронения Ветлянка IV 11/3 (рис. 2, 2). В остальных случаях причина нарушений не ясна.

Тем не менее преобладание погребений с нарушением именно верхней части (6 из 7), так же как и доминирование среди них могил с центральной позицией на подкурганной площадке (5 из 6) отражает общую тенденцию нарушения погребений эпохи бронзы в могильниках южноуральской территории [43]. Отметим, что в нарушенной части Мечет-Сай 5/1 находилась подвздошная кость женщины в сочленении с бедренной [5, с. 22]. Случаи находок сочлененных костей в могиле или рядом с ней свидетельствуют о нарушении могил современниками погребенных [43, с. 15, 17].

Требуется обсуждения еще один случай, когда авторы упоминают о нарушении костяков, — Ветлянка IV 9/7. В первой публикации сказано: «У всех четырех погребенных отсутствуют почти полностью позвонки и ребра» [11, с. 16]. Во второй по поводу пары, находящейся в северо-западной половине могилы: «Кости верхней части туловища сильно разрушены», а по поводу второй пары: «Череп раздавлен, верхняя часть туловища у обеих сильно разрушена» [10, с. 171]. По нашему мнению, отмеченные нарушения непреднамеренны, скорее всего, они обусловлены естественными процессами — черепа раздавлены давлением земли, позвонки и ребра истлели. В пользу такой трактовки свидетельствуют и сохранившиеся *in situ* украшения у обеих женских костяков.

Несмотря на нарушение ряда могил, ориентировка погребенных определяется во всех случаях.

### **Ориентировка погребенных**

Доминирующим является юго-западное направление, как показывает диаграмма (рис. 6), оно составляет почти одну треть выборки: 6 случаев (30%), далее по убывающей представлены: западное — 4 случая (20%), северо-восточное и юго-восточное — по 3 случая (по 15%) направления, меньше всего ориентировок в северо-западном и восточном направлениях — по 2 случая (по 10%).

Северная и южная ориентировки не представлены вовсе. Трудно сказать, какие именно факторы могли повлиять на выбор той или иной ориентировки погребенных, мы можем только попытаться выявить возможную их связь с хронологией, культурной составляющей, возрастом погребенных и планиграфией расположения могил на погребальных площадках.

Западно-юго-западная ориентировка устойчиво связывается с алакульской традицией, истоки которой на этой территории фиксируются еще с синташтинского времени, она является несомненным синташтинским наследием [52, с. 110]. Ориентировку в северный сектор, особенно хорошо представленную в раннеалакульских могильниках этой территории северо-восточную, исследователи относят к срубной традиции, точнее к ранне-срубной (покровской) [21, с. 46; 51, с. 60; 52, с. 327; 53, с. 433].

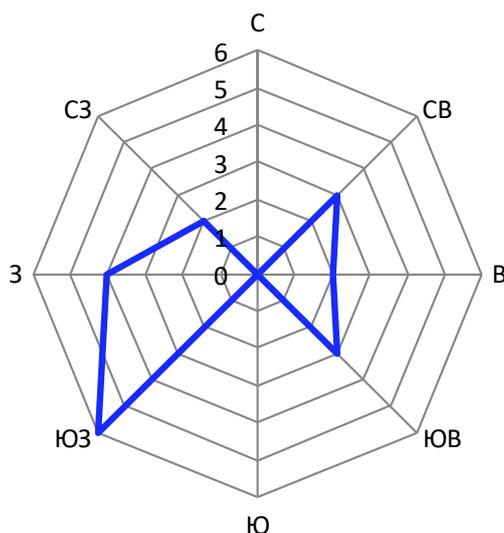


Рис. 6. Ориентировка погребенных из парных захоронений западноалакульской культурной группы

В двух самых ранних погребениях рассматриваемой группы, происходящих из одного могильника Ветлянка IV, усопшие имеют разную ориентировку, в одном они ориентированы на северо-восток (Ветлянка IV 14/2), в другом — на юго-запад (Ветлянка IV 11/3). В этих погребениях отмечается сочетание двух культурных традиций — раннеалакульской и покровской (раннесрубной). В погребении со срубной северо-восточной ориентировкой усопшие сопровождалась раннеалакульской керамикой, но костяные наконечники стрел типично покровские, в то время как в другом погребении алакульская юго-западная ориентировка усопших сочеталась с сосудом с расчесами, типичными для покровской традиции обработки поверхности. Вообще, на наш взгляд, эти погребения хотя и объединены в рамках одной поздней фазы петровского этапа, между ними все же имеется некоторая хронологическая разница, которую трудно определить в конкретном временном выражении. Хронологический приоритет имеет погребение с покровской северо-восточной ориентировкой (Ветлянка IV 14/2), в пользу этого свидетельствует сложное устройство погребальной ямы (камеры) с тамбуром, угол которой смыкался с углом ямы 6 подобной же конструкции, где на дне зафиксированы отпечатки колес. А погребение Ветлянка IV 11/3 с юго-западной ориентировкой совершено в простой могильной яме, к тому же и сосуды имеют более поздний облик.

В двух погребениях последующего раннекулевчинского этапа ситуация с наличием и срубной и алакульской ориентировок повторяется: в Восточно-Курайли I 24/2 усопшие ориентированы головой в северо-восточный сектор, в Обилькин Луг III 25 — на запад. И здесь мы видим сочетание срубной ориентировки с раннеалакульскими сосудами (Курайли I 24/2) и сочетание алакульской ориентировки с покровскими расчесами на раннеалакульском сосуде (Обилькин Луг III 25).

Рассмотренная ситуация с ориентировками в погребениях, отнесенных к концу петровской и началу кулевчинской фаз, демонстрирует неустойчивость норм западноалакульского погребального канона в период незавершенности активных процессов культурогенеза.

В количественно преобладающей группе погребений поздней фазы кулевчинского этапа наблюдается разнообразие ориентировок, кроме, как уже отмечалось, отсутствующих в целом по выборке северной и южной. Превалирует юго-западная (4), за ней следуют представленные в равном количестве западная и юго-восточная ориентировки (по 3),

дважды встречена северо-западная и всего по одному разу зафиксированы ориентировки на северо-восток и восток.

Из двух погребений развитого (классического) этапа одно ориентировано на юго-запад, другое — на восток с небольшим отклонением к северу.

Таким образом, можно говорить о возобладании с течением времени в рассматриваемых парных погребениях алакульской (западной с отклонениями) традиции ориентировки усопших.

Что касается взаимосвязи ориентировки погребенного с возрастом, то во взрослой группе доминирует юго-западная ориентировка (4), остальные — западная, юго-восточная и северо-восточная — представлены равным количеством случаев (по 2), причем последняя зафиксирована только в погребениях раннего времени. Кроме отсутствующих в целом по выборке северной и южной, здесь не представлены также северо-западная и восточная ориентировки (рис. 7).

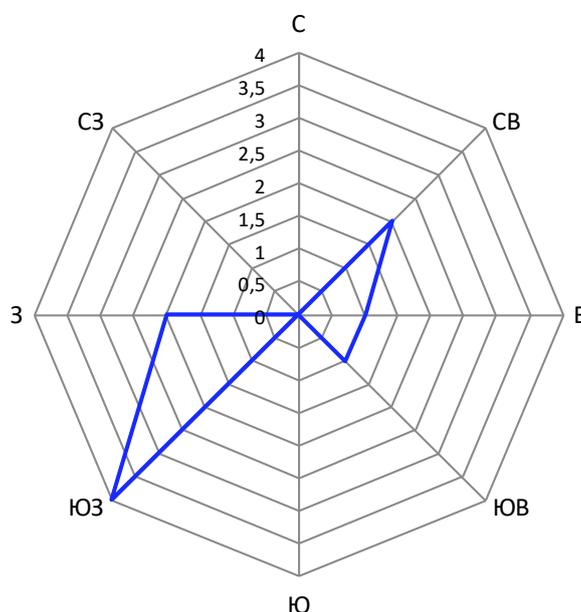


Рис. 7. Ориентировка погребенных из взрослых парных захоронений западноалакульской культурной группы

Обращает на себя внимание, что крайне незначительно представленные в общей выборке погребений северо-западная и восточная ориентировки (по 2 случая) зафиксированы только в подростковых (2 северо-западных и 1 восточная) и детском (1 восточная) погребениях. В свою очередь, ни в одном подростковом погребении не зафиксированы северо-восточная и юго-восточная ориентировки (рис. 8), а в детских захоронениях — западная. Ориентировки погребенных в детских могилах распределились по одному на северо-восток, восток, юго-восток и юго-запад. Видимо, приоритетной для них была ориентировка в восточном направлении (рис. 9).

Таким образом, наблюдается определенная тенденция зависимости ориентировки погребенного от возраста: у взрослых преобладает западно-юго-западная, у подростков — западно-северо-западная, у детей — в восточных румбах.

Если рассматривать ориентировки усопших из парных погребений в контексте ориентировок всех погребений из курганов, откуда они происходят, то никаких исключительных (особых) ориентировок для парных не предусматривалось.

В целом ситуация с ориентировками в курганах соль-илецкой группы довольно не проста. Даже в пределах одного могильника выделяются курганы с упорядоченной ориентировкой усопших и с разнообразной ориентировкой (вразнобой). Поскольку фокус нашего внимания сосредоточен на курганах с парными погребениями, подробнее остановимся именно на них.

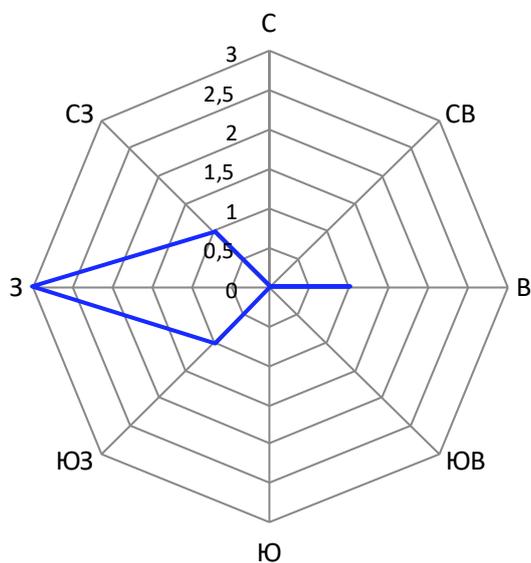


Рис. 8. Ориентировка погребенных из подростковых парных захоронений западноалакульской культурной группы

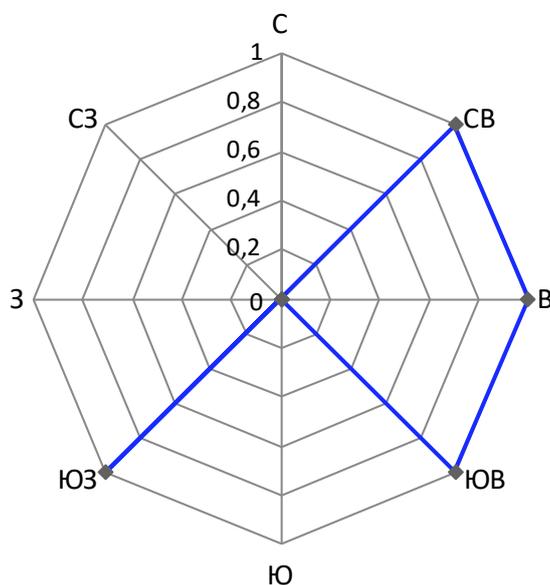


Рис. 9. Ориентировка погребенных из детских парных захоронений западноалакульской культурной группы

Единообразная картина ориентировок наблюдается в курганах: Увак 9, Мечет-Сай 5, Ульгули I 4 и 5, Ветлянка IV 11, Краснопартизанский II 3. Нестабильные ориентировки зафиксированы в курганах: Восточно-Курайли II 24, Ветлянка IV 9 и 14, Увак 15, Кардаиловский I 24, тем не менее и здесь ориентировки погребенных из парных захоронений попадают либо в основной тренд ориентировок, представленных в этих курганах, либо в число «среднепредставленных».

Например, в кургане 9 Ветлянки IV, где из 32 погребений эпохи бронзы ориентировки определены в 27 случаях, преобладающими ориентировками являются юго-западная (7 случаев; 25,9%) и северо-восточная (5 случаев; 18,5%). Южная, юго-восточная и северо-западная ориентировки представлены каждая по 4 случая (по 14,8%). Самые малочисленные направления — западное (3, 11,1%) и северное (1, 3,7%). Парные погребения оказались в числе «среднепредставленных» ориентировок: погребенные в двух случаях были ориентированы на северо-запад и в трех — на юго-восток. В кургане 14 этого же могильника из пяти погребений эпохи бронзы судить об ориентировках можно в 4-х случаях. В двух из них усопшие ориентированы на северо-восток, в том числе и в парном погребении 2, по одному — на восток и юго-восток.

В кургане 24 Восточно-Курайли I с тремя погребениями в двух из них, в том числе парном, усопшие имеют северо-восточную ориентировку, а в одном — юго-восточную.

В кургане 15 Увак, насчитывающем 19 погребений эпохи бронзы, ориентировки погребенных определены в 17 случаях, юго-западное направление является преобладающим: на юго-запад ориентированы усопшие из 3-х могил (17,6%) и на юго-юго-запад из 4-х (23,5%), в том числе и покойники (взрослый с ребенком) из парного погребения 21. Западное и северо-восточное направления в этом кургане занимают второе по численности место (по 3 могилы в каждом случае; по 17,6%), и в каждом направлении имеется парное погребение. Самые малочисленные направления ориентировки в этом кургане юго-восточное и северо-западное (по 2 случая, по 11,8%).

Таким образом, «парность» погребения не являлась основанием для его выделения особой ориентировкой.

### Положение погребенных

Несмотря на положение погребенных во всех захоронениях лицом друг к другу, которое является определяющим для парных погребений, между ними имеются различия, выражающиеся прежде всего в расстоянии между костяками и в специфике «позы объятий». Подавляющее большинство усопших уложены в могилу тесно прижатыми друг к другу. Только в трех погребениях покойные лежат на некотором расстоянии: Восточно-Курайли I 24/2, Обилькин Луг III 25 и Илекшар II 6. При этом в последнем случае руки мужчины, положенного на левый бок, протянуты к женщине, лежащей на правом боку, и «держат» протянутую навстречу ему кисть ее правой руки (рис. 3, 4). Очевидно, что это сведенное к минимуму воплощение «позы объятий».

Безусловная «поза объятий» зафиксирована в четырех случаях: Ульгули I 4/5, Ветлянка IV 11/3, 9/12 и 9/27. В последнем случае в публикации отсутствует план погребения, но о «позе объятия» можно судить по описанию: «левый скелет обнимает правый, кости которого помещены между его верхними и нижними конечностями» [10, с. 170], т.е. мужчина обнимает женщину. Иная ситуация в Ветлянке IV 9/12, где, судя по плану погребения, покойник, лежащий на левом боку, находится в объятиях рук покойника, лежащего на правом боку. Левая рука обнимающего положена поверх туловища обнимаемого, чуть ниже его груди, примерно на уровне талии, а правая находится под его шей (рис. 3, б). Это захоронение, как уже упоминалось выше, единственное, где украшения имелись на обоих костяках.

В двух других захоронениях — Ветлянка IV 11/3 и Ульгули I 4/5 — объятия взаимные. В ветлянском погребении правая рука мужского костяка, лежащего на левом боку, покоилась на ребрах женского, а левая рука женского костяка, находившегося на правом боку, была «плотно прижата к нижней челюсти мужчины», при этом «лицевые своды черепа (видимо, черепов. — Я. Р.) соприкасаются» [10, с. 173—174]. К сожалению, положение левой руки мужчины и правой руки женщины в тексте не обговорено, а на рисунке их

не видно (рис. 2, 2). Положение покойных в Ульгули I 4/5 авторы описывают следующим образом: «Обращены были они лицом друг к другу, при этом покойники как бы обнимали друг друга и соприкасаясь лицевыми частями черепов. Кости ног входили друг в друга» [7, с. 25]. Очень качественно выполненный рисунок этого погребения показывает, что кисть правой руки мужчины, уложенного на левом боку, находится на левой лопатке женщины, а левая рука его согнута параллельно правой, предплечья и кисть ее под ребрами женщины (изначально руки мужчины обнимали тело женщины), в то время как левая рука женщины, лежавшей на правом боку, находится на шее мужчины, а правая — под ней (женщина обнимала мужчину за шею) (рис. 3, 1). Кроме того, «поза объятий» усилена положением ног усопших — колени и голени женщины обхвачены мужскими бедрами и коленями.

«Поза объятий» у погребенных в рассматриваемой выборке, скорее всего, не ограничивалась только приведенными случаями (5 из 20 пар), но из-за плохой сохранности или нарушения костей рук усопших в большинстве погребений (11 случаев) точно зафиксировать ее очень сложно.

В трех случаях ситуация с положением рук погребенных хотя и не совсем ясная, но с оговорками дает возможность причислить их к погребениям в «позе объятий». Это два детских погребения поздней фазы кулевчинского этапа из могильника Увак: 9/2 и 15/16, а также одно из подростковых погребений развитого (классического) этапа Кардаиловский I 24/4. Авторами в описании этих погребений не детализированы особенности расположения рук покойных, но на планах погребений можно увидеть, что правая рука усопших, лежащих на левом боку (мальчиков), протянута к костякам, лежащим на правом боку (девочкам). В погребении Увак 15/16 правая рука мальчика в полусогнутом состоянии протянута к скелету девочки и кость его предплечья находится поверх ее верхней части скелета. К тому же колени мальчика обхвачены коленями девочки (рис. 3, 9). В двух других — Увак 9/2 и Кардаиловский I 24/4, правая рука мальчиков протянута к лицам девочек (рис. 3, 10; 4, 1). В первом случае ноги девочки находятся между ног мальчика, в другом — голени мальчика на бедрах девочки.

В одном случае, в Уваке 15/11, положение рук погребенных по рисунку и фотографии определяется, но ситуация с объятиями не ясна [4, рис. 87, 90]. У девушки, туловище которой расположено на спине, правая рука в полусогнутом состоянии опущена вниз, кисть ее на уровне таза, а согнутая в локте левая рука лежит поперек груди с расположением кисти на правом плече (рис. 3, 8). Можно допустить, что изначально тело девушки было уложено на правом боку и ее полусогнутая левая рука обнимала тело юноши, а зафиксированное на момент раскопок ее положение обусловлено постмортальным смещением тела. Юноша лежит на левом боку, руки его сильно согнуты в локтях, кисти рук у подбородка. Положение его, по-видимому, неизменно с момента укладки в могилу и объятия с его стороны изначально не предусматривались.

Таким образом, можно сказать, что «поза объятий», в которой участвуют руки, характерна для рассматриваемой выборки и фиксируется у 9 пар (с учетом не до конца ясных случаев). Количество пар в позе взаимных объятий (3) и тех случаев, где мужчина обнимает женщину (4), примерно сопоставимо. А случаев только женских объятий, причем не безоговорочных, всего 2 (Ветлянка IV 9/12<sup>1</sup> и Увак 15/11).

Отдельно рассмотрим положение ног усопших, которое определяется у большинства пар (17), кроме двух нарушенных захоронений Ветлянка IV 11/3 и Краснопартизанский II 3/2, а также нетронутого погребения Ветлянка IV 9/28, где авторы публикации при

<sup>1</sup> Мы априори считаем женским костяк, лежавший на правом боку, сопровождаемый большим количеством украшений. Половая принадлежность покойников в этом погребении не ясна, см. об этом ниже.

описании не уточнили положение ног покойников, а рисунок погребения отсутствует. Во всех известных случаях ноги погребенных согнуты в коленях, но взаиморасположение ног усопших относительно друг друга различно.

Ранее нами были выделены четыре позиции взаиморасположения ног усопших в парных погребениях южноуральской территории: 1) кости ног одного из погребенных перекрывают кости ног другого; 2) голени одного из погребенных находятся на бедрах другого; 3) кости ног обоих погребенных «переплетены», т.е. по одной ноге каждого костяка находится между ног другого; 4) кости ног одного из погребенных находятся между костями ног другого [39, с. 237]. В анализируемой выборке отмечается еще одна позиция: расположение ног покойных не взаимообусловлено, т.е. покойники уложены так, что кости ног их не касаются друг друга — Восточно-Курайли I 24/2, Обилькин Луг III 25, Илекшар II 6 (3 случая; 17,6%).

Большинство положений ног представлено позицией 2, таких случаев шесть (35,3%), причем в четырех из них голени женщины находятся на бедрах мужчины (Ветлянка IV 14/2 и 9/12; Увак 9/1 и 15/21), в двух — голени мужского скелета находятся на бедрах женского (Увак 15/11 и Кардаиловский I 24/4).

В пяти (29,4%) погребениях встречена позиция 4, причем в трех случаях женские ноги находятся между ног мужчины: Ветлянка IV 9/27 (руки: мужские объятия), Ульгули I 4/5 (руки: взаимные объятия) и Увак 9/2 (руки: мужские объятия), в двух — наоборот, мужские обхвачены женскими: Увак 15/16 (руки: мужские объятия), Ульгули I 5/2 (руки: не определяется). Причем в последнем погребении ноги мальчика были перекрещены в бедрах, такого доселе ни в одном парном погребении не встречено (рис. 3, 11).

В трех случаях (17,6%) зафиксирована позиция 3, когда ноги усопших «переплетены». В Мечет-Сай 5/1 правая нога женского костяка находится между ногами мужского, а левая нога мужского между ног женского. В Ветлянке IV 9/7 низкое качество рисунка не дает возможности разглядеть положение ног, однако в тексте сообщается, что у взрослой пары «согнутые колени ног соприкасаются и частично лежат как бы взаимно переплетаясь» [10, с. 171], а у пары подростков «трубчатые кости нижних конечностей переплетены в области колен» [10, с. 171].

Позиции 4 и 3 (в сумме 47%) можно охарактеризовать как ноги в «позе объятий».

Взаиморасположение ног в позиции 1 в рассматриваемой группе не встречено ни разу.

Важным в отношении парных погребений является вопрос положения усопших на том или ином боку в зависимости от пола. В рассматриваемой группе погребений, как правило, на левом боку лежали костяки предположительно мужского пола, на правом — женского, что в общем характерно для южноуральских алакульских парных погребений [39]. Однако здесь имеется уникальное погребение Ветлянка IV 9/7, где в каждой паре на левом боку находился костяк с украшениями. Особого обсуждения требует не раз упомянутое погребение 9/12, где украшениями сопровождаены оба усопших, подробнее оно будет проанализировано ниже.

Резюмируя проведенный анализ положения погребенных, можно сказать, что в 13 парах в том или ином виде с учетом положения рук и ног зафиксирована «поза объятий» и в семи парах, в основном из-за нарушения, нельзя точно установить, была поза объятий или нет (Ветлянка IV 14/2, Восточно-Курайли I 24/2, Обилькин луг III 25, Увак 9/1 и 15/21, Краснопартизанский II 3/2, Ветлянка IV 9/28). «Поза объятий» характерна для всех хронологических периодов.

Положение на левом боку было приоритетным для покойников мужского пола, исключительный случай, когда на левом боку находились женщины, представлен неординарным погребением Ветлянка IV 9/7.

**Мужской инвентарь**

Как уже было отмечено выше, очень небольшое количество усопших, отнесенных к мужскому полу, сопровождается инвентарем (всего 6).

*Оружие* найдено у трех покойников — в двух ранних захоронениях Ветлянки IV: 11/3 и 14/2, а также в погребении поздней фазы кулевчинского этапа Увак 15/21. В первом случае это булава, во втором — набор костяных наконечников стрел и в третьем — единственный кремневый наконечник стрелы.

Каменная булава, положенная за спиной мужчины, имеет грушевидную форму и сквозное круглое отверстие в центре [10, рис. 8, 7]. Ей можно привести многочисленные аналогии из погребений ямной, катакомбной покровской, срубной, синташтинской, петровской культур [28]. Ограничимся территориально близкими примерами. На рассматриваемой территории идентичная по форме каменная булава найдена в синташтинском одиночном погребении мужчины 45—60 лет Танаберген II 7/22 [52, с. 28—29, рис. 9, 15, с. 190]. Очень близкий экземпляр найден в грабительском выбросе центральных погребений 9 и 10 синташтинского кургана 25 Большекараганского могильника в Зауралье [2, рис. 21, 3].

Вообще традиция сопровождения булавами пары в «позе объятий» на данный момент представлена только в синташтинских, петровских и алакульских могильниках Зауралья и Северного Казахстана [33; 18, с. 53—57]. Парное погребение с булавой из Ветлянки IV пока единственное на территории Приуралья.

Набор из 11 костяных втульчатых наконечников стрел размещался на тазе мужчины в погребении Ветлянка 14/2. Вероятно, наконечники находились в колчане, положенном на бедро мужчины. Еще один наконечник стрелы, кремневый, был извлечен из позвонка погребенного [10, с. 175]. Большинство костяных наконечников имеет внутреннюю втулку, только у одного втулка выступающая [11, рис. 18, 14—20, 25]. Аналогии этим наконечникам известны в покровских погребениях Волго-Уралья: Покровск (юго-восточная группа) 14/1, Подшибаловка 1/5, в том числе и парном — Натальино II 2/1 [34, табл. 1, 10; табл. 3, 10; табл. 15, 12, 13; табл. 20, 11—13]. Однако в этих погребениях костяные наконечники представлены единично или небольшими сериями. Серийные находки наконечников стрел данного типа известны в покровских погребениях Южного Средневожья: Владимировка I 1/1 [23, рис. 4, 3—8], Федоровка I 2/3 [46, рис. 7—14].

В синташтинских и петровских, а также алакульских могильниках Приуралья и Зауралья костяных наконечников подобного типа нет, это одна из отличительных черт инвентаря покровской культуры. А кремневые черешковые наконечники с небольшой треугольной головкой, подобные тому, который был извлечен из позвонка мужчины в погребении Ветлянка IV 14/2 [11, рис. 18, 24], встречаются в различных культурах эпохи бронзы Волго-Уралья. Кремневый наконечник стрелы этого же типа был найден у тазовых костей взрослого человека из погребения Увак 15/21 [4, рис. 117].

К прочим находкам при мужских костяках относятся пряжка из раковины, астрагалы и бусы.

В упомянутом выше погребении Увак 15/21 рядом с кремневым наконечником стрелы находилась пряжка из раковины [1, табл. XXXVII, 4]. Р. А. Литвиненко упоминает эту пряжку как происходящую из «достоверно женского погребения» [26, с. 93]. Однако, по нашему мнению, к «достоверно женским» это погребение отнести нельзя (см. выше). Увакское парное погребение с пряжкой у мужчины подтверждает выявленную самим Литвиненко устойчивую тенденцию принадлежности таких пряжек мужчинам [26].

Астрагалы рядом с мужскими костяками были обнаружены в двух погребениях — взрослом (Илекшар II 6) и подростковым (Увак 15/11). В первом случае, судя по плану

погребения, 2 астрагала находились за спиной мужского костяка в районе поясницы (рис. 3, 4). А в подростковом погребении 20 бараньих астрагалов, в некоторых случаях со сточенными гранями, находились за спиной мальчика продолговатым компактным скоплением от шеи до таза (рис. 3, 8). Не исключено, что эта компактность свидетельствует о возможности их нахождения в удлиненном мешке, как это предполагается для подобных случаев [17, с. 26]. Отметим, что во взрослом погребении астрагалы были не только у мужчины, но также и у женского костяка, судя по плану погребения, 4 астрагала располагались рядом с раздавленным черепом женщины и 1 позади ее стоп. Эти погребения подтверждают мнение об астрагалах в культурах эпохи бронзы Южного Урала как категории инвентаря, не связанной ни с гендером, ни с возрастом [17].

Как уже упоминалось выше, в двух погребениях из могильника Увак рядом с мужскими костяками находились скопления пастовых бусин — у взрослого мужчины в нарушенном погребении Увак 15/21 и мальчика в Увак 9/2. В нарушенном погребении бусины находились у стенки могилы рядом с разворошенными костями верхней части мужского скелета, а у мальчика рядом с правой тазовой костью. В обоих случаях компактность скоплений бусин позволяет предполагать, что они не относятся к категории украшений, а, вероятно, представляют вышивку бисером какого-то мешочка (торбочки ?).

### **Женский инвентарь**

Украшения найдены в 15 погребениях (16 пар). Но достаточно уверенно сказать, что они маркировали женский пол их обладательниц, мы можем в 14 случаях, поскольку в одной паре украшения были на обоих усопших (Ветлянка IV 9/12), в другой — локализация украшений просто не ясна (Кардаиловский I 24/4).

Среди захоронений раннего периода только в одной нарушенной могиле Восточно-Курайли I 24/2 не было обнаружено украшений. В двух самых ранних погребениях Ветлянки IV на женских костяках украшения весьма скромны — пастовые бусы, обвивающие запястья одной из рук. У покойницы из погребения Ветлянка IV 11/3 на правом предплечье обнаружено 16 бусин белого и голубого цвета, а у другой покойницы из Ветлянки IV 14/2 на левой руке расчищены всего 3 бусины и 1 на тазу, видимо, попавшая туда случайно. В нарушенном погребении кургана Обилькин Луг III 25 находилась более ценная вещь — бронзовая подвеска в полтора оборота, покрытая золотой фольгой.

В погребениях поздней фазы кулевчинского этапа наличие украшений у покойниц являлось правилом. Их не обнаружено только в двух нарушенных погребениях: Увак 9/1 и 15/21. А в одном погребении, как уже упоминалось, украшения были на обоих покойниках.

Сведения о расположении украшений по зонам и встречаемость этих схем в разных возрастных группах отражены в таблице 2.

У детей во всех 4-х случаях была украшена голова. В 3-х из них она являлась единственной декорированной зоной, причем украшения были очень скромные. В двух случаях это была одиночная височная подвеска в 1,5 оборота (Ветлянка IV 9/28, Увак 15/16), а еще в одном (Ульгули I 5/2) височная подвеска в 1,5 оборота сочеталась с ракушкой, найденной под лопаткой ребенка. Скорее всего, ракушка представляла собой подвеску косоплетки, как, например, у ребенка из алакульского комплекса Степное VII 4/42 из Южного Зауралья [25, с. 77]. Только в одном погребении у ребенка помимо круглой височной подвески еще были расчищены пастовые бусы на шее, коленях и голени левой ноги (Увак 9/2).

В группе подростковых погребений (4) во всех случаях украшения находились в нескольких зонах. Схема зонирования в каждом случае индивидуальна. Но во всех этих схемах обязательно присутствовала зона рук (табл. 2). Зоны головы и шеи по встречаемо-

сти украшений стоят на втором месте, каждая из них декорирована в 3-х случаях. Украшения на ногах (низки бус) достоверно зафиксированы в одном случае — Увак 15/11, однако еще в одном — Ветлянка IV 9/12 на плане погребения видно, что у скелета на правом боку щиколотки обхвачены бусинами (№ 6 на плане), но в тексте публикации это не обговорено. Кроме того, в тексте публикации не упомянуто и про скопление бус (?) над коленями (№ 5 на плане) у этого же костяка.

Таблица 2

Распределение схем украшений у покойных разных возрастных групп из погребений поздней фазы кулевчинского этапа

Расположение украшений по зонам	Взрослые	Подростки	Дети
Голова			1. Ветлянка IV 9/28
			2. Ульгули I 5/2
			3. Увак 15/16
Руки	1. Ветлянка IV 9/7а		
Голова + руки	1. Ветлянка IV 9/27 2. Илекшар II 6	1. Ветлянка IV 9/12, скелет на левом боку	
Шея + руки		1. Ветлянка IV 9/7б	
Голова + шея + руки	1. Ульгули I 4/5	1. Ветлянка IV 9/12, скелет на правом боку	
Голова + шея + колени			1. Увак 9/2
Голова + шея + руки + ноги		1. Увак 15/11	
<b>Всего</b>	<b>4</b>	<b>4</b>	<b>4</b>

В погребении Ветлянка IV 9/12, где украшения обнаружены у обоих покойников, у того, кто лежал на левом боку, украшены голова и руки. На голове находились две подвески в 1,5 оборота, на запястьях обнаружено по 14 бронзовых бусин (обшивка края рукавов?). А у лежавшего на правом боку кроме таких же двух подвесок на шее было ожерелье из 44 бронзовых бусин и 3-х клыков кабана (?), на руках — один желобчатый и один спиральный браслеты, т.е. украшения у него размещены по схеме «голова + шея + руки». Выше обсуждена возможность наличия у этого костяка бус на щиколотках и в районе колен. Если принять это во внимание, то это будет самый богато украшенный покойник в подростковой группе, да и в целом по всей выборке.

У покойницы на левом боку из погребения Ветлянка IV 9/7б украшены зоны шеи и рук. На шее было ожерелье из 38 бронзовых бусин, на правой руке — бронзовый треугольный в сечении браслет.

Наибольшее количество декорированных зон достоверно зафиксировано у покойницы из погребения Увак 15/11. Украшения расположены по схеме «голова + шея + руки + ноги». Под черепом находилась круглая подвеска, на шее пастовые бусы, на запястьях и щиколотках также пастовые бусы и бронзовые пронизки.

Во взрослой группе, так же как и у подростков, декорирование рук отмечается во всех случаях (4). Декор только этой части тела, причем одной руки (в источнике не указано о какой именно идет речь — правой или левой), зафиксирован у костяка на левом боку из Ветлянки IV 9/7а. Запястье усопшей было обвито шерстяной ниткой с 18 бронзовыми бусинами<sup>1</sup> [11, с. 17].

<sup>1</sup> В другой, более поздней публикации говорится о 18 бусинах, составлявших ожерелье [10, с. 171]. Детализированные подробности описания этого украшения в первой публикации свидетельствуют в пользу их большего соответствия реальности.

У взрослых дважды встречена схема зонирования украшений «голова + руки» (табл. 2). Причем в одном случае у костяка из Ветлянки IV 9/27 набор из 3-х видов головных украшений являлся самым разнообразным среди всех случаев декора зоны головы: височная подвеска в 1,5 оборота, 3 бусинки и 8 ромбических бляшек. К сожалению, авторы не предоставили никаких изображений украшений из этого погребения. Особенно досадно это в отношении ромбических бляшек, найденных на черепе. Отметим, что это довольно редкая находка. Скорее всего, бляшки были нашиты на головной убор. На руках покойницы из этого погребения были бронзовые спиральные браслеты.

В другом случае зонирования украшений по схеме «голова + руки» на запястьях у костяка из погребения Илекшар II 6 также были бронзовые браслеты, но без спиралей, а простые желобчатые, и рядом с ними находилась «стеклянная» бусина. Трудно сказать, в состав какого украшения входила еще и бронзовая пронизка, найденная выше ее кистей рук. А костяная подвеска, лежавшая за спиной между ребрами и тазом покойной, могла быть подвеской косоплетки.

Только у одной взрослой женщины декор был размещен по трем зонам по схеме «голова + шея + руки» — Ульгули I 4/5, это максимальное количество декорированных зон во взрослой группе. По сведениям авторов раскопок, у нее «в теменной части черепа и против лопаток — накосники из бронзы» [7, с. 25], а на рисунке материалов из погребения показаны две подвески в 1,5 оборота, а также еще две подвески — обломок круглой и целая продолговатая [7, рис. 139 А, 3—6, 9, 10]. В районе шеи ожерелье, состоящее из мелких бронзовых ребристых пронизок, чуть выше запястий бронзовые желобчатые браслеты. Кроме того, в тексте отчета упомянуто, что «на теменной части этого скелета и у его щиколоток сохранились следы медных окислов» [7, с. 25]. Следы на щиколотках могут быть от низок бронзовых бус (?).

В нарушенном погребении Мечет-Сай 5/1 в районе ног женщины были найдены пастовые и бронзовые бусы [5, с. 21]. К тому же в могиле находилась «нашивная бляшка из тонкого листа бронзы с отверстиями и выпуклинами по краю» [5, с. 22]. Этот случай не отражен в таблице, поскольку о декорированности других зон невозможно судить из-за нарушения.

Таким образом, возрастные различия зонального размещения украшений и их типов проявлены ощутимо.

В детских погребениях присутствуют преимущественно украшения одной зоны — головы, и только в одном случае к зоне головы добавлены украшения шеи, колен (подол платья?) и голени. Украшения рук и щиколоток не встречены вовсе.

Во взрослых погребениях обязательным являлся декор запястий и только в одном случае он этой зоной и ограничивался. В двух случаях отмечено двухзональное украшение головы и рук. И только в одном трехзональное — «голова + шея + руки». Украшения ног представлены только в нарушенном погребении Мечет-Сай 5/1. Следы медных окислов на щиколотках женщины из Ульгули I 4/5 также могут свидетельствовать об украшении их бронзовыми бусами (?).

В подростковых погребениях нет ни одного случая декорирования только одной зоны тела. Но как и во взрослой группе, обязательными для украшения являлись запястья. Сочетание зон в этой группе в каждом случае индивидуально. В этой группе единственное погребение выборки с достоверно зафиксированным наибольшим количеством украшенных зон — «голова + шея + руки + ноги».

Таким образом, вовлеченность в декор большего количества зон делает подростковый погребальный костюм наиболее нарядным. Это наводит на мысль об особом его предназначении — свадебном? Не исключена вероятность того, что парные погребения

подростков — это погребения индивидов, подошедших к возрасту, принятому в этом обществе для вступления в брак (для реальных брачных отношений), и умерших, так и не успев вступить в эти отношения.

У детей, не достигших этого «возраста невест», и у взрослых женщин, вышедших из этого возраста, набор украшений более скромный.

#### **Керамика. Количество сосудов и их местоположение**

Сосуды обнаружены во всех захоронениях. Количество их варьирует от 1 до 4. Чаще всего в погребении находилось 3 сосуда, такое количество найдено в восьми (42,1%) могилах. Кроме двух нарушенных случаев, где местоположение сосудов не определяется — Увак 9/1 и 15/21 (рис. 3, 3, 7), в остальных оно установлено точно. В 4-х погребениях сосуды поставлены над головами усопших, в одном из них горшки находились посередине могилы, разделяя две пары покойников — Ветлянка IV 9/7 (рис. 3, 5), в остальных 3-х сосуды располагались у коротких стенок — Обилькин Луг III 25, Кардаиловский I 24/4, Краснопартизанский II 3/2 (рис. 2, 3; 4, 1, 2). В этих случаях складывается впечатление, что сосуды были «адресованы» обоим покойникам без персонального распределения. В оставшихся двух случаях наблюдается «неравное» распределение сосудов у погребенных. В Ветлянке IV 9/12 по одному сосуду поставлено над головами погребенных и еще один находился в районе таза покойного, лежащего на правом боку (рис. 3, 6). В погребении 6 Илекшар II два сосуда находились над головой мужчины и один за головой женщины (рис. 3, 4).

На втором месте по количеству случаев могилы с двумя сосудами, таких 7 (36,8%). Здесь в основном наблюдается равное распределение сосудов у покойников — они стоят по одному над их головами у коротких стенок могил (рис. 2, 1; 3, 1, 9, 11)<sup>1</sup>. Только в одной могиле (Ветлянка IV 11/3) оба сосуда локализовались в углу, больше над головой мужского костяка (рис. 2, 2).

Всего по два случая (по 10,5%) зафиксировано, когда в погребении находилось минимальное — 1 и максимальное количество сосудов — 4. В одном из случаев, учтенном как погребение с одним сосудом, вследствие нарушения захоронения невозможно определить его местоположение — Мечет-Сай 5/1 (рис. 3, 2). В другом погребении сосуд был поставлен над головой мальчика, в углу могилы — Увак 9/2 (рис. 3, 10). В одном из погребений с 4-мя сосудами они были поставлены над головами усопших, впритык к короткой стенке могилы, и таким общим количеством как бы «адресованы» обоим покойным — Увак 15/11 (рис. 3, 8). В другом случае (Восточно-Курайли I 24/2), судя по плану погребения, наблюдается «неравномерное» распределение сосудов — 1 у ног мужчины и 3 горшка приурочены костяку на правом боку — 2 у его ног и 1 над головой (рис. 2, 4).

Таким образом, в большинстве случаев, когда количество и местоположение сосудов известны, наблюдается картина равного или общего на всех (в случае нечетного количества) распределения сосудов (11; 68,8%). Выявлено всего четыре случая (23,5%) «неравного» распределения сосудов. В двух из них приоритет у мужского костяка (Ветлянка IV 11/3, Увак 9/2) и в двух, видимо, у женского костяка (Восточно-Курайли I 24/2, Ветлянка IV 9/12).

Складывается впечатление, что там, где сосуды адресованы в целом обоим покойным, отношение к ним хоронивших было как к единому целому. Немногочисленные случаи же неравного распределения сосудов между парой наталкивают на мысль о восприятии каждого из погребенных как отдельного субъекта, одному из которых по какой-то

<sup>1</sup> К сожалению, не можем дать ссылки на рисунки двух погребений (Ветлянка IV 9/27 и 9/28), поскольку их нет в публикации. Но в описании дана точная информация об их локализации [11, с. 22].

причине отдавался приоритет по количеству сосудов, причем, видимо, независимо от половой принадлежности.

В самых поздних по времени погребениях классического (развитого) этапа (Кардаиловский I 24/4 и Краснопартизанский II 3/2) фиксируется идентичное количество и постановка сосудов — по три над головой у коротких стенок могил. Возможно, это является свидетельством выработки с течением времени определенного стандарта этой составляющей погребального обряда. Хотя, конечно, категорично утверждать это при столь незначительно количественно выраженной выборке не приходится.

#### **Кости животных**

Находки костей животных немногочисленны, всего 6 случаев (31,6%). Как правило, они локализовались в пределах погребальной камеры. Только в одном случае (Ветлянка IV 9/12) авторы раскопок предполагают, что найденная в заполнении могилы челюсть овцы сползла с края могилы [11, с. 18].

В двух самых ранних парных погребениях из Ветлянки IV проявления, связанные с сопровождением усопших частями животных, имеют различный характер. В Ветлянке IV 11/3 скопление кальцинированных косточек (вероятно, животного?), располагавшихся в виде овала размером 0,23×0,17 м [10, с. 173], находилось прямо над макушками покойных. А в Ветлянке IV 14/2 на дне могилы в северном углу лежали ребра и лопатка овцы. Причем на лопатке обнаружена бусинка из пасты [6, с. 30], вероятно попавшая сюда случайно.

Остальные четыре погребения с костями животных происходят из могильников конца кулевчинской фазы: Увак (3 погребения) и Ветлянка IV (1 погребение). В двух из трех погребений могильника Увак кости барана находились рядом с сосудами: в Увак 9/2 это были лопатка и ребра, а в Увак 15/11 — только ребра. Еще одно погребение с костями животных из этого могильника было нарушено, и первоначальное местоположение встреченных в засыпке погребения Увак 15/21 ребра барана, обломка рога и кусочка трубчатой кальцинированной кости не устанавливается.

Примечательно, что в многомогильном кургане 15 Увак кроме упомянутых двух парных погребений кости животных были обнаружены еще только в двух погребениях взрослых. Одно из них было центральным — Увак 15/18, оно нарушено, в засыпке встречена лопатка барана, а в непо потревоженном погребении Увак 15/15 ребра барана были обнаружены в сосуде. Интересно, что во всех погребениях этого кургана, где найдены кости животных, усопшие ориентированы единообразно — в западном-юго-западном направлении. Трудно сказать, чем обусловлено такое «единство», особым положением в роду, клане, семье?

Обращает на себя внимание единообразие состава костей, обнаруженных в погребениях — ребра и лопатка овцы (барана), и их локализация — около сосудов. Очевидно, что это остатки от пищи, предназначенной для покойных.

Видимо, иной смысл имеют находки челюстей овцы. В уже упоминавшемся погребении Ветлянка IV 9/12 кроме найденной в заполнении челюсти овцы еще одна челюсть была обнаружена за черепом костяка, лежавшего на левом боку.

#### **О генезисе западноалакульских парных погребений**

Как убедительно показано в работах В. В. Ткачева, генезис алакульской культуры на данной территории обусловлен эволюционным развитием синташтинской культуры [52, с. 335; 53]. Логично предположить, что и истоки обряда парных погребений следует искать в погребальной обрядности синташтинской культуры Приуралья. Однако в синташтинских могильниках этой территории на сегодняшний день не обнаружено парных захоронений, полностью тождественных рассматриваемым здесь алакульским парным погребениям.

В качестве относительно сопоставимых с ними можно привести только три синташтинских погребения. В первую очередь, это Танаберген 7/29 (рис. 10, 1), где лицом друг к другу, хотя и на значительном расстоянии находились костяк женщины 45—60 лет на правом боку и костяк годовалого младенца на левом боку [52, с. 35]. Конечно же, очевидна формальность морфологической близости этого погребения и западноалакульских парных, содержательная сторона их явно различна.

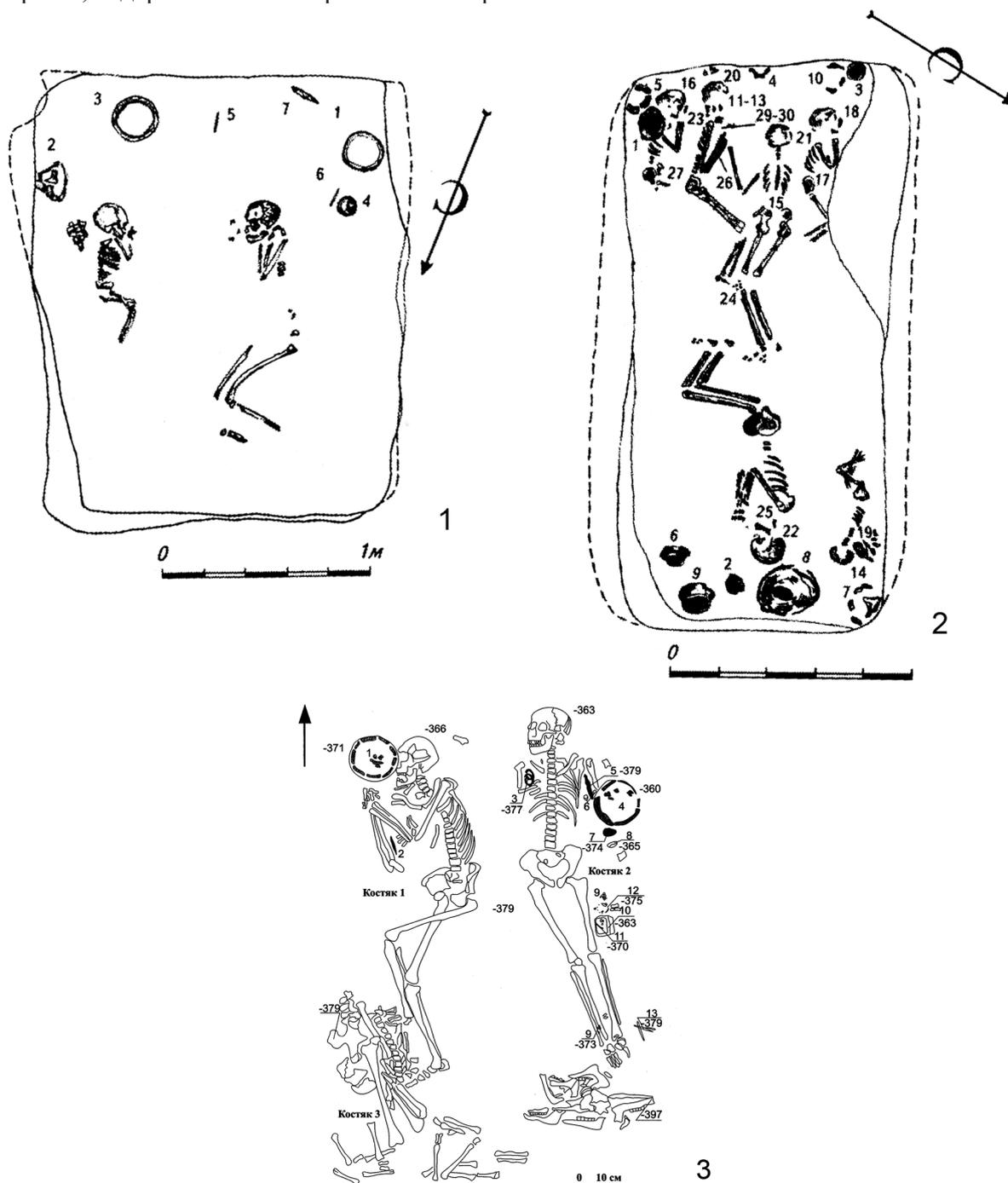


Рис. 10. Аналогии парным погребениям западноалакульской культурной группы в синташтинских могильниках Южного Приуралья. 1 — Танаберген 7/29; 2 — Жаман-Каргала I 1/5; 3 — погребение с поселения Малоюлдашево I; 1—2 — по: [52], 3 — по: [15]

Другое приуральское синташтинское погребение, отдаленно сопоставимое с парными западноалакульскими, — Жаман-Каргала I 1/5 [52, рис. 24, 3]. Оно совершено в мо-

гиле вытянутых пропорций, где находилось 6 покойников. Из них 4 лежали головами к юго-западу — двое детей на левом боку по краям пары взрослых, размещенной лицом друг другу, а два покойника — взрослый и ребенок головами были ориентированы в противоположную сторону (рис. 10, 2). Сходство этого погребения определяется, во-первых, наличием пары лицом друг к другу и, во-вторых, частичной сопоставимостью принципа размещения покойных с расположением пар в уникальном погребении Ветлянка IV 9/7.

Третье синташтинское погребение с территории Приуралья, которое может быть привлечено для сопоставления с парными западноалакульскими погребениями, — тройное погребение с поселения Малоюлдашево I [32; 15, с. 46—52]. В нем скелет пожилого мужчины лежал на правом боку в слабой степени скорченности, а за ним на спине покоился скелет молодой женщины в вытянутом положении. У ног пожилого мужчины находились расчлененные и сложенные в «пакет» останки взрослого мужчины [15, с. 46—48] (рис. 10, 3). Пробитый в трех местах череп женщины и явно подчеркнутое подчиненное положение расчлененных останков зрелого мужчины позволили специалистам сделать вывод о насильственном их умерщвлении для погребения с пожилым мужчиной [32, с. 68]. Однако это исключительное погребение, повышенная сакральность которого очевидна, может быть привлечено для нашего анализа лишь опосредованно, как свидетельство того, что в синташтинское время на данной территории практиковались совместные захоронения мужчины и женщины.

При выяснении генезиса обряда парных погребений западноалакульской культурной группы обращают на себя внимание несомненные покровские признаки в двух самых ранних парных погребениях — Ветлянка IV 11/3 и 14/2. Они заставляют обратиться к яркой серии парных погребений покровской культурной группы, исследованных в Саратовском Заволжье: Натальино II 2/1, 3/1; Покровск (юго-восточная группа) 32/1, 34/1, 35/2 [34, табл. 1, 2, 21; табл. 16, 5, 21]. В них находились взрослые пары, где мужчина, как правило, сопровождается предметами вооружения, как и в двух упомянутых погребениях (рис. 11, 2—5).

На территории Приуралья нам известно единственное покровское парное погребение, происходящее из могильника Скворцовский 3/19 (рис. 11, 1). В нем находились два подростка и инвентарь также включал оружие — костяной наконечник стрелы [31, с. 24—26, рис. 17].

На сегодняшний день нам представляется, что появлению в западноалакульской культурной группе обряда парного погребения, видимо, в большой степени способствовал контакт с носителями покровской культурной группы Волго-Уралья. Отметим, что на территории Приуралья преемственность в обряде парных погребений по линии синташта-петровка-алакуль прослеживается менее четко, чем в Зауралье.

Ситуация с генезисом западноалакульских парных погребений, скорее всего, отражает большую сложность процессов культурогенеза в начале позднего бронзового века в Приуралье, чем в Зауралье.

### **Интерпретации**

Несмотря на морфологическое сходство погребений рассмотренной группы в целом, представляется, что их содержательная сторона не во всех случаях идентична. Прежде всего это касается отличия от всех остальных двух ранних погребений (Ветлянка IV 11/3 и 14/2), относящихся к периоду незавершенности культурогенетических процессов. Это период «героической эпохи», во всех аспектах сильно отличающейся от последующего времени стабилизации и относительно спокойного развития общества [8].

Оба ветлянских погребения показательны в плане того, что мужчины сопровождаются престижными предметами вооружения, а инвентарь женщин очень скромнен. Центральное местоположение могил и наличие престижного оружия свидетельствуют, что в двух

ранних ветлянских погребениях захоронены мужчины, которых, используя образное выражение В. В. Ткачева, можно назвать «архаическими лидерами». В связи с этим возникает вопрос — кем являются женщины, погребенные вместе с ними, и их смерть была насильственной или естественной? В Ветлянке IV 14/2 кремневый наконечник в позвонке мужчины позволяет предполагать, что его смерть наступила в результате вооруженного конфликта, в этом случае одновременная с ним естественная смерть женщины выглядит маловероятной. Можно предположить, конечно, что она также погибла в результате этого конфликта, либо была специально умерщвлена для сопровождения погибшего «архаического лидера», либо совершила ситуативное/нормированное (?) самоубийство. В другом погребении — Ветлянка IV 11/3, по словам автора раскопок, костяки принадлежали старым людям, в этом случае их смерть могла быть естественной, однако мы этого не можем утверждать наверняка. Во всяком случае, малочисленность таких погребений свидетельствует в пользу того, что в это время только избранные мужчины удаивались быть захороненными с женщинами.

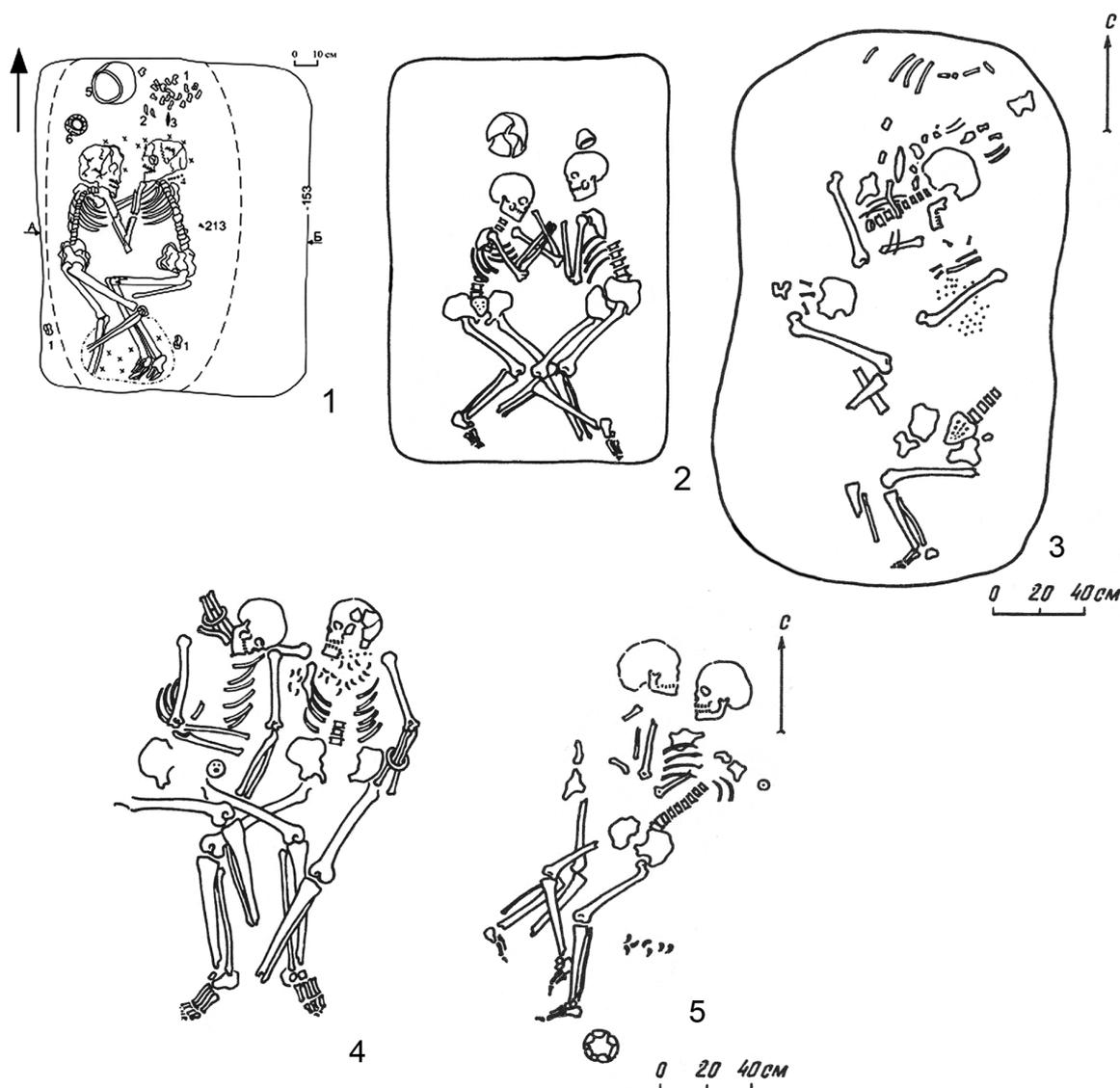


Рис. 11. Аналогии парным погребениям западноалакульской культурной группы в покровских могильниках Приуралья (1) и Саратовского Заволжья (2—5). 1 — Скворцовский 3/19; 2 — Покровск (юго-восточная группа) 32/1; 3 — Натальино II 2/1; 4 — Покровск (юго-восточная группа) 35/2; 5 — Натальино II 3/1. 1 — по: [31], 2—5 — по: [34]

С окончанием «героического периода» культуругенеза наступает стабильное «мирное» время, и в этот период парные погребения приобретают характер уже обыденного явления. Начиная с ранней фазы кулевчинского этапа в парных погребениях начинают реализовываться совсем иные ценности. Отражение воинской доблести «архаических лидеров» в парных погребениях сменяется отражением человеческих отношений стабильной мирной жизни (брак, супружество, семья). Ранее сходная концепция относительно зауральских материалов в целом была высказана А. В. Епимаховым [16, с. 33—35].

Уже в одном из парных погребений ранней фазы кулевчинского этапа — Восточно-Курайли I 24/2 — можно предположить захоронение молодых родителей с двумя грудными детьми.

На поздней фазе кулевчинского этапа на рассматриваемой территории происходит рост их количества, появляются парные погребения подростков и детей. Симптоматично, что центральное положение занимают только 2 погребения из 15. Мужчины практически «лишены» личного инвентаря, зато украшения у женщин становятся обильнее и разнообразнее.

Наиболее предпочтительно объяснять погребения поздней фазы кулевчинского и развитого (классического) этапов как захоронения супругов (брачных пар), в случае с детьми — предназначенных друг другу в будущем супругов. Такие погребения в этот период объясняются, по-видимому, случаями естественной одновременной смерти мужчины и женщины, скорее всего вследствие инфекционных заболеваний.

Однако, несмотря на иное содержание парных погребений в период стабильного развития общества, основополагающее зерно этого обряда — соединение мужского и женского — остается неизменным.

Особого обсуждения требует погребение Ветлянка IV 9/12 с украшениями у обоих костяков. Случаи нахождения двух костяков с украшениями в алакульских парных погребениях исключительно редки. Кроме ветлянского мне известно еще одно погребение подростков, где украшения были у обоих покойников — погребение 4 Лисаковский III из Верхнего Притоболья [54, с. 45, 46, рис. 8, 8]. Причем, как и в случае с ветлянским погребением, наиболее многочисленный набор украшений сопровождал покойника, лежавшего на правом боку. Э. Р. Усманова по наличию набора украшений у обоих сделала вывод, что костяки принадлежат девушкам [54, с. 46]. В случае с этими погребениями теоретически возможны три варианта половой идентификации усопших: лицом друг к другу похоронены либо подростки-девушки, либо девушка (на правом боку) и юноша (на левом боку), либо два юноши. И в первом, и во-втором, и, тем более, в третьем случае у нас нет ответов на следующие вопросы: в первом и третьем — почему девушки/юноши захоронены в такой же позе, которая, как правило, придавалась разнополым индивидам; во втором — почему юноша погребен в украшениях; и в третьем — если это два юноши, то почему они в украшениях? Отметим, что это погребение отличается и другими особенностями: необычная постановка сосуда в районе «живота» одного из погребенных, наличие челюстей овцы.

Можно привести еще одно погребение с территории Южного Зауралья, трактуемое его исследователем как парное в «позе объятия»<sup>1</sup>, — Степное VII 8/1 [24, с. 93—94, рис. 3]. Если принять предположение автора о позе покойников и рассматривать погребение как парное, то получается, что и здесь погребенный на правом боку имел более богатый набор украшений (в том числе и наконечник, как в лисаковском захоронении), чем поло-

<sup>1</sup> Хотя в данном случае, на наш взгляд, трудно говорить о какой-либо позе погребенных, поскольку от одного сохранились череп и трубчатые кости рук и ног, а от второго только зубы. По расположению зубов и украшений можно сказать только то, что они находились лицом друг другу.

женный(ая?) на левый бок. Вероятно, эти погребения являются воплощением каких-то особых (специфических, нетривиальных) мировоззренческих (религиозных, идеологических) представлений у разных алакульских групп, реализуемых в некросфере в исключительно редких случаях.

### **Заключение**

Рассмотренная выборка из 19 парных погребений (20 пар) западноалакульской культурной группы хронологически неоднородна. Самые ранние погребения относятся к поздней фазе петровского (2) и ранней фазе кулевчинского (2) этапов. Наиболее многочисленна группа парных погребений поздней фазы кулевчинского этапа (13). Крайне мало погребений развитого (классического) этапа (2). К сожалению, квалифицированные половозрастные определения имеются для усопших только из одного погребения (Восточно-Курайли I 24/2).

Проанализированные погребения объединяет несколько характерных черт, универсальных для всех парных погребений алакульской культуры. Прежде всего это положение покойных лицом друг к другу в «позе объятий». Наличие украшений, как правило, только у одного костяка (в большинстве случаев меньшего размера) позволяет предположить, что в погребениях находились разнополые покойники. Как правило, на левом боку находился предположительно мужской костяк, на правом — женский.

Все погребения раннего периода представлены погребениями взрослых людей. Их могилы занимали центр подкурганной площадки. Погребальные сооружения отличались большими размерами, чем в остальные периоды. Мужчины из двух самых ранних погребений (Ветлянка IV 11/3 и 14/2) сопровождаются оружием, а женщины предельно скромными украшениями. В погребениях этого периода особенно ощутимо проявление покровских традиций, выразившееся в северо-восточной ориентировке покойных, обработке поверхности сосудов и наличии комплекта втульчатых костяных наконечников. Отсутствие парных погребений в «местных» синташтинских могильниках и близость парных погребений раннего периода покровским парным погребениям Саратовского Заволжья позволяют связывать их генезис именно с покровским влиянием.

В последующий период (поздняя фаза кулевчинского этапа) появляются парные погребения подростков (3) и детей (4), но погребения взрослых, хотя и незначительно, преобладают (6). Известно одно погребение взрослого с ребенком. Кроме двух погребений взрослых с центральной локализацией могил на подкурганной площадке остальные погребения независимо от возраста покойников занимали периферийные участки. Размеры могил варьировали, как правило, в зависимости от возраста покойных. Мужчины в подавляющем большинстве случаев не имели личного сопровождающего инвентаря. Зато практически у всех покойников женского пола были украшения. Наибольшим набором украшений отличались погребения подростков. В этот период срубные признаки не столь очевидны, как ранее, ориентировки в северный сектор крайне редки.

Отличие парных погребений раннего периода от всех остальных позволяет предположить и различную их интерпретацию.

Ранние погребения можно интерпретировать как захоронения «архаических лидеров», сопровождаемых женщинами. Особое значение этих погребений подчеркнуто их малочисленностью. Ключевым моментом их интерпретации является выяснение вопроса: убивалась женщина для совместного погребения с мужчиной или нет?

Наиболее приемлемая интерпретация погребений периода поздней фазы кулевчинского и развитого (классического) этапов — захоронения супругов (брачных пар), естественная смерть которых наступила в близкое время. Разнообразие украшений в подростковых погребениях наводит на мысль об имитации свадьбы, так могли быть погребены

индивиду, достигшие возраста, принятого в алакульском обществе для вступления в брачные отношения, но не успевшие это сделать до своей смерти. Погребения детей могут объясняться обычаем люлечного обручения.

Картина парных погребений западноалакульской культурной группы была бы не полной, если бы мы умолчали о двух исключительных случаях. Первый представлен уникальным погребением Ветлянка IV 9/7, где две пары погребенных лежали головами друг к другу и украшения находились у покойников, положенных в этих парах на левый бок. В этом захоронении можно предполагать воплощение каких-то бинарных оппозиций (мужское — женское, правое — левое и т.п.). Во втором случае оба покойника имели украшения (Ветлянка IV 9/12). Такие погребения редко, но встречаются в алакульской погребальной обрядности и связаны, вероятно, с какими-то весьма специфическими мировоззренческими представлениями.

**Благодарности.** *Статья подготовлена при поддержке подпрограммы «Памятники материальной и духовной культуры в современной информационной среде» (I.25), проект № 255 «Парные разнополюе погребения эпохи бронзы от Урала до Индостана как источник по реконструкции семейно-брачной и социальной структуры», в рамках объединенной программы Президиума РАН «Социально-гуманитарные аспекты устойчивого развития и обеспечения стратегического прорыва России».*

#### Список использованной литературы

1. Андроновская культура. Вып. 1. Памятники западных районов. М. ; Л., 1966. 65 с., 38 л. ил., карт. (Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. В 3-2).
2. Аркаим: некрополь (по материалам кургана 25 Большекараганского могильника). Кн. 1. Челябинск : Юж-Урал. кн. изд-во, 2002. 216 с.
3. Артамонов М. И. Совместные погребения в курганах со скорченными и окрашенными костяками // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1934. № 7-8. С. 108—125.
4. Архив Института археологии РАН. Р-1. № 2227: Федорова-Давыдова Э. А. Отчет о работе Увакского отряда Оренбургской археологической экспедиции Государственного исторического музея, 1960.
5. Архив Института археологии РАН. Р-1. № 2499: Смирнов К. Ф. Отчет о работе Оренбургской экспедиции Института археологии АН СССР и Оренбургского краеведения, 1961.
6. Архив Института археологии РАН. Р-1. № 13016: Горбунов В. С. Научный отчет о раскопках могильника Ветлянка IV в 1988 г. Уфа, 1989.
7. Бисембаев А. А., Гуцалов С. Ю., Марыксин Д. В., Тулегенова Н. И. Отчет об археологических раскопках курганных могильников в районе аула Ульгули в 2004 году. Уральск, 2004 // Архив Центра истории и археологии Западно-Казахстанской области.
8. Бочкарев В. С. Волго-Уральский очаг культурогенеза эпохи поздней бронзы // Социогенез и культурогенез в историческом аспекте. СПб. : ИИМК АН СССР, 1991. С. 24—27.
9. Винокурова Е. И. Проблема парных погребений эпохи бронзы Восточного Казахстана // Аманжоловские чтения-2005 : материалы междунар. науч.-практ. конф. Усть-Каменогорск, 2005. Ч. 2: Социальные, экономические и правовые аспекты развития современного общества. С. 17—19.
10. Горбунов В. С. Могильник бронзового века Ветлянка IV // Древняя история населения Волго-Уральских степей. Оренбург : ОГПИ им. В. П. Чкалова, 1992. С. 166—194.
11. Горбунов В. С., Денисов И. В., Исмагилов Р. Б. Новые материалы по эпохе бронзы Южного Приуралья. Уфа : Башгоспединститут, 1990. 55 с.
12. Городцов В. А. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде, Харьковской губернии, 1901 года // Труды XII Археологического съезда в Харькове 1902 г. М., 1905. Т. 1.
13. Гуцалов С. Ю. Погребения III в. до н.э. прохоровской культуры на Илеке // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время : сб. статей к 70-летию А. Х. Пшеничнюка. Уфа : Гилем, 2006. С. 123—136.
14. Денисов И. В. Могильники эпохи бронзы Обилькиного Луга близ Соль-Илецка // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 2001. Вып. 5. С. 38—45.
15. Евгенийев А. А., Купцова Л. В., Мухаметдинов В. И., Рослякова Н. В., Усачук А. Н., Файзуллин И. А., Хохлов А. А. Поселение Малоюлдашево I эпохи неолита и поздней бронзы в Западном Оренбуржье. Оренбург : Издат. центр ОГАУ, 2016. 196 с.

16. Епимахов А. В. Бронзовый век Южного Урала (экономические и социальные аспекты) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2010. 55 с.
17. Епимахов А. В., Берсенева Н. А. Homo ludens бронзового века Южного Урала (игры и игрушки) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. Т. 6, № 2 (62). С. 24—28.
18. Зданович Д. Г. Синташтинское общество: социальные основы «квазигородской» культуры Южного Зауралья эпохи средней бронзы. Челябинск : Челяб. гос. ун-т, 1997. 93 с.
19. Итина М. А. Раскопки могильника тазабагыбской культуры Кокча 3 // Материалы Хорезмской экспедиции. М. : Наука, 1961. Вып. 5. С. 3—96.
20. Кузьмина Е. Е. Андроновские могильники на р. Байту (о некоторых деталях андроновского погребального обряда) // Краткие сообщения института археологии АН СССР. 1964. № 97. С. 39—49.
21. Кузьмина Е. Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М. : Восточная литература, 1994. 462 с.
22. Кузьмина Е. Е. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности. Актобе : ПринТА, 2008. 358 с.
23. Кузьмина О. В., Михайлова О. В., Субботин И. П. Курганный могильник эпохи бронзы Владимирский I // Вопросы археологии Поволжья. 2003. Вып. 3. С. 217—260.
24. Куприянова Е. В. Новые материалы раскопок могильника Степное VII (2016 г.) в системе петровско-алакульских древностей Южного Зауралья // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 2017. Вып. 13. С. 90—103.
25. Куприянова Е. В., Зданович Д. Г. Древности лесостепного Зауралья: могильник Степное VII. Челябинск : Энциклопедия, 2015. 196 с.
26. Литвиненко Р. А. О так называемых «поясных пряжках» в памятниках бронзового века Волго-Уралья // XV Уральское археологическое совещание : тез. докл. междунар. науч. конф. 12—21 апр. 2001 г. Оренбург : Оренбургская губерния, 2001. С. 90—93.
27. Максименков Г. А. Погребальные памятники эпохи бронзы Минусинской котловины — источник изучения семейных и общественных отношений // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1974. С. 8—17.
28. Малов Н. М. Погребения с булавами и втоками из Натальинского могильника // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1991. Вып. 2. С. 15—42.
29. Мандельштам А. М. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане. Л. : Наука. Ленингр. отделение, 1968. 184 с. (Материалы и исследования по археологии СССР. Тр. Таджикской археол. экспедиции Ин-та археологии АН СССР и Ин-та истории имени А. Дониша АН Таджикской ССР. № 145. Т. 6).
30. Моргунова Н. Л. Курганы у сел Краснохолм и Кардаилово в Илекском районе // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 1996. Вып. 1. С. 8—43.
31. Моргунова Н. Л., Гольева А. А., Дегтярева А. Д., Евгеньев А. А., Купцова Л. В., Салугина Н. П., Хохлова О. С., Хохлов А. А. Скворцовский курганный могильник. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2010. 160 с.
32. Моргунова Н. Л., Евгеньев А. А., Купцова Л. В. Погребальный комплекс синташтинского времени на поселении Малоюлдашево I в Западном Оренбуржье // Археология, этнография и антропология Евразии. 2015. Т. 43, № 2. С. 64—71.
33. Нелин Д. В. Погребения эпохи бронзы с булавами в Южном Зауралье и Северном Казахстане // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Челябинск : Челяб. гос. ун-т, 1995. Ч. 5, кн. 1. С. 132—136.
34. Памятники срубной культуры: Волго-Уральское междуречье. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1993. 200 с.
35. Подгаецкий Г. В. Могильник эпохи бронзы близ г. Орска // Материалы и исследования по археологии СССР. 1940. № 1. С. 69—82.
36. Пьянкова Л. Т. К вопросу о семейных и общественных отношениях в эпоху поздней бронзы (по материалам могильников вахшской культуры) // Материальная культура Таджикистана. Душанбе, 1987. Вып. 4. С. 43—70.
37. Рафикова Я. В. Парные погребения срубно-алакульской контактной зоны южного Зауралья // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 18 (119). История. Вып. 25. С. 5—13.
38. Рафикова Я. В. Парные погребения эпохи поздней бронзы на Южном Урале // Этнические взаимодействия на Южном Урале : сб. науч. тр. Челябинск, 2009. С. 46—48.
39. Рафикова Я. В. Парные погребения алакульской культуры на Южном Урале // Арии степей Евразии: Эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях : сб. памяти Е. Е. Кузьминой. Барнаул : Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2014. С. 228—243.
40. Рафикова Я. В. Неодновременные парные погребения из алакульских могильников Южного Урала и Западного Казахстана // Мужской и женский мир в отражении археологии. Уфа : [Б. и.], 2018. С. 50—62.

41. Рафикова Я. В., Федоров В. К. Курганы Южного Зауралья. Кн. 1. Учалинский и Абзелиловский районы Республики Башкортостан. Уфа : Китап, 2017. 244 с.
42. Рафикова Я. В., Савельев Н. С. Парные погребения могильника эпохи поздней бронзы Ташла-I в Башкирском Зауралье // Этнические взаимодействия на Южном Урале : материалы VI Всерос. науч. конф. / отв. ред. А. Д. Таиров. Челябинск : ЧелГКМ, 2015. С. 151—159.
43. Рафикова Я. В., Савельев Н. С. Нарушенные погребения могильника эпохи поздней бронзы Ташла-1 в Башкирском Зауралье // Уфимский археологический вестник. 2015. Вып. 15. С. 13—20.
44. Сальников К. В. Курганы на озере Алакуль // Материалы и исследования по археологии СССР. 1952. № 24. С. 4—71.
45. Сальников К. В. Очерки древней истории Южного Урала. М. : Наука, 1967. 408 с.
46. Семенова А. П. Погребальные памятники срубной культуры // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. Самара : Изд-во Самар. науч. центра Российской академии наук, 2000. С. 152—208.
47. Сорокин В. С. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак I в Западном Казахстане. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1962. 207 с. (Материалы и исследования по археологии СССР. № 120).
48. Ткачев В. В. Начальный этап позднего бронзового века в степном Приуралье (западноалакульская культурная группа) // Культурное наследие степей Северной Евразии. Оренбург : Ин-т степи УрО РАН, 2000. Вып. 1. С. 29—43.
49. Ткачев В. В. Относительная хронология культурных образований конца эпохи средней — начала поздней бронзы в степном Приуралье // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2002. Вып. 1. С. 48—64.
50. Ткачев В. В. Начало алакульской эпохи в Урало-Казахстанском регионе // Степная цивилизация Восточной Евразии. Астана : KUL TEGIN, 2003. Т. 1 : Древние эпохи. С. 109—124.
51. Ткачев В. В. Могильник Восточно-Курайли I на Илеке и проблема формирования западноалакульской культурной группы // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2005. Вып. 2. С. 36—69.
52. Ткачев В. В. Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. Актобе : Актюб. обл. центр истории, этнографии и археологии, 2007. 384 с.
53. Ткачев В. В. Процессы культурогенеза на западной периферии алакульского ареала // Проблемы истории, филологии, культуры. 2007. № 17. С. 429—442.
54. Усманова Э. Р. Памятники Лисаковской округи: археологические сюжеты. Караганда ; Лисаковск : Tengri Ltd, 2013. 336 с.
55. Федорук О. А. Совместные захоронения в андроновских могильниках степного и лесостепного Алтая // Человек и север: Антропология, археология, экология : материалы Всерос. конф. Тюмень, 2015. Вып. 3. С. 193—196.

Поступила в редакцию 20.05.2019

**Рафикова Янина Валерьевна**, кандидат исторических наук  
 Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского  
 центра Российской академии наук  
 Российская Федерация, 450054, г. Уфа, пр-т Октября, 71  
 E-mail: ziada@bk.ru

UDC 903.5(470.56)

Ya. V. Rafikova

**West-Alakul (Sol-Iletsk) Paired Burials: Chronology, Genesis, Interpretation**

The article analyses a heterogeneous sample of paired heterosexual burials in the Orenburg Cis-Urals belonging to the West-Alakul (Sol-Iletsk Type) cultural group. The earliest burials (4 all in all) belong to the late phase of Petrovsky (2) and the early phase of Kulevchinsky (2) stages. The most numerous is the group of paired burials belonging to the late phase of Kulevchinsky stage (13). The burials of the developed (classical) type are very few. The main characteristic of the burials is the presence of a heterosexual couple in the “hug pose” as a rule. The early burials are characterized by the presence of Pokrovsky (Early Timber-grave) signs in orientation, ceramics and grave goods. The absence of comparable paired burials in the “local” Syntashtinsky burial grounds allows us to associate their genesis with the Pokrovsky influence. Paired burials of the early time may be interpreted as burials of “archaic leaders” with women accompanying them. Burials of subsequent time are treated as those of spouses (married couples).

**Key words:** Orenburg Cis-Urals, Late Bronze Age, West-Alakul cultural group, paired burials.

**Rafikova Yanina Valerievna**, Candidate of Historical Sciences

Institute of History, Language and literature — Subdivision of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences

Russian Federation, 450054, Ufa, pr-t Oktyabrya, 71

E-mail: [ziada@bk.ru](mailto:ziada@bk.ru)

**References**

1. *Andronovskaya kul'tura. Vyp. 1. Pamyatniki zapadnykh raionov* [Andronovo culture. Is. 1. Monuments of the western regions]. Moscow, Leningrad, 1966. 65 p., 38 l. il., map. (Arkheologiya SSSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov. Is. V 3-2). (In Russian)
2. *Arkaim: nekropol' (po materialam kurgana 25 Bol'shekaraganskogo mogil'nika). Kn. 1* [Arkaim: necropolis (according to the materials of the mound 25 of the Bolshekaragansky burial ground). Book 1]. Chelyabinsk, Yuzh-Ural. kn. izd-vo Publ., 2002. 216 p. (In Russian)
3. Artamonov M. I. Sovmestnye pogrebeniya v kurganakh so skorchennymi i okrashennymi kostyakami [Joint burials in mounds with twisted and painted bones]. *Problemy istorii dokapitalisticheskikh obshchestv*, 1934, no. 7-8, pp. 108—125. (In Russian)
4. *Arkhiv Instituta arkheologii RAN. R-1. № 2227: Fedorova-Davydova E. A. Otchet o rabote Uvaskogo otryada Orenburgskoi arkheologicheskoi ekspeditsii Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya* [Archive of the Institute of Archeology RAS. R-1. No. 2227: Fedorova-Davydova E. A. Report on the work of the Uvak detachment of the Orenburg archaeological expedition of the State Historical Museum], 1960. (In Russian)
5. *Arkhiv Instituta arkheologii RAN. R-1. № 2499: Smirnov K. F. Otchet o rabote Orenburgskoi ekspeditsii Instituta arkheologii AN SSSR i Orenburgskogo kraevedeniya* [Archive of the Institute of Archeology RAS. R-1. No. 2499: Smirnov K. F. Report on the work of the Orenburg expedition of the Institute of Archeology of the Academy of Sciences of the USSR and Orenburg regional studies], 1961. (In Russian)
6. *Arkhiv Instituta arkheologii RAN. R-1. № 13016: Gorbunov V. S. Nauchnyi otchet o raskopkakh mogil'nika Vetlyanka IV v 1988 g.* [Archive of the Institute of Archeology RAS. R-1. No. 13016: Gorbunov V. S. Scientific report on the excavation of the Vetlyanka IV burial ground in 1988]. Ufa, 1989. (In Russian)
7. Bisembaev A. A., Gutsalov S. Yu., Maryksin D. V., Tulegenova N. I. Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh kurgannykh mogil'nikov v raione aula Ul'guli v 2004 godu. Ural'sk, 2004 [Report on archaeological excavations of burial mounds in the area of Ul'guli aul in 2004. Uralsk, 2004]. *Arkhiv Tsentra istorii i arkheologii Zapadno-Kazakhstanskoi oblasti* [Archive of the Center for History and Archeology of the West Kazakhstan Region]. (In Russian)
8. Bochkarev V. S. Volgo-Ural'skii ochag kul'turogeneza epokhi pozdnei bronzy [The Volga-Ural center of cultural genesis of the Late Bronze Age]. *Sotsiogenez i kul'turogenez v istoricheskom aspekte* [Sociogenesis and cultural genesis in historical aspect]. St. Petersburg, IIMK AN SSSR Publ., 1991, pp. 24—27. (In Russian)

9. Vinokurova E. I. Problema parnykh pogrebenii epokhi bronzы Vostochnogo Kazakhstana [The problem of paired burials of the Bronze Age of East Kazakhstan]. *Amanzholovskie chteniya-2005: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Amanzholov Readings-2005. Proceed. of Internat. sci.-pract. conf.]. Ust'-Kamenogorsk, 2005. Part 2: Sotsial'nye, ekonomicheskie i pravovye aspekty razvitiya sovremennogo obshchestva, pp. 17—19. (In Russian)
10. Gorbunov V. S. Mogil'nik bronzovogo veka Vetlyanka IV [Bronze Age burial ground Vetlyanka IV]. *Drevnyaya istoriya naseleniya Volgo-Ural'skikh stepei* [Ancient history of the population of the Volga-Ural steppes]. Orenburg, OGPI im. V. P. Chkalova Publ., 1992, pp. 166—194. (In Russian)
11. Gorbunov V. S., Denisov I. V., Ismagilov R. B. *Novye materialy po epokhe bronzы Yuzhnogo Priural'ya* [New materials on the Bronze Age of the Southern Urals]. Ufa, Bashgospedinstitut Publ., 1990. 55 p. (In Russian)
12. Gorodtsov V. A. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy v Izyumskom uезде, Khar'kovskoi gubernii, 1901 goda [The results of archaeological research in Izyum Uyezd, Kharkov Province, 1901]. *Trudy XII Arkheologicheskogo s'ezda v Khar'kove 1902 g.* [Proceedings of the XII Archaeological Congress in Kharkov, 1902]. Moscow, 1905, vol. 1. (In Russian)
13. Gutsalov S. Yu. Pogrebeniya III v. do n.e. prokhorovskoi kul'tury na Ilike [Burials of the 3<sup>rd</sup> century BC of Prokhorov culture in Ilek]. *Yuzhnyi Ural i sopredel'nye territorii v skifo-sarmatskoe vremya: sbornik statei k 70-letiyu A. Kh. Pshenichnyuka* [South Ural and adjacent territories in the Scythian-Sarmatian time. A collect. of articles on the 70<sup>th</sup> anniversary of A. Kh. Pshenichnyuk]. Ufa, Gilem Publ., 2006, pp. 123—136. (In Russian)
14. Denisov I. V. Mogil'niki epokhi bronzы Obil'kinogo Luga bliz Sol'-Iletska [Burial grounds of the Bronze Age of Obilkin Meadow near Sol'-Iletska]. *Arkheologicheskie pamyatniki Orenburzh'ya* [Archaeological monuments of the Orenburg region]. Orenburg, 2001, is. 5, pp. 38—45. (In Russian)
15. Evgen'ev A. A., Kuptsova L. V., Mukhametdinov V. I., Roslyakova N. V., Usachuk A. N., Faizullin I. A., Khokhlov A. A. *Poselenie Maloyuldashevo I epokhi neolita i pozdnei bronzы v Zapadnom Orenburzh'e* [Settlement Maloyuldashevo I era of the Neolithic and Late Bronze Age in the Western Orenburg region]. Orenburg, Izdat. tsentr OGAU Publ., 2016. 196 p. (In Russian)
16. Epimakhov A. V. *Bronzovyi vek Yuzhnogo Urala (ekonomicheskie i sotsial'nye aspekty): avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk* [The Bronze Age of the Southern Urals (economic and social aspects). Abstr. Dr. Dis.]. Yekaterinburg, 2010. 55 p. (In Russian)
17. Epimakhov A. V., Berseneva N. A. Homo ludens bronzovogo veka Yuzhnogo Urala (igry i igrushki) [Homo Ludens in the South Ural Bronze age (games and toys)]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta — Bulletin of Kemerovo State University*, 2015, vol. 6, no. 2 (62), pp. 24—28. (In Russian)
18. Zdanovich D. G. *Sintashtinskoe obshchestvo: sotsial'nye osnovy "kvazigorodskoi" kul'tury Yuzhnogo Zaural'ya epokhi srednei bronzы* [Sintashta society: social foundations of the "quasi-urban" culture of the South Trans-Urals of the Middle Bronze Age]. Chelyabinsk, Chelyab. gos. un-t Publ., 1997. 93 p. (In Russian)
19. Itina M. A. Raskopki mogil'nika tazabag'yabskoi kul'tury Kokcha 3 [Excavations of the burial ground of the Tazabagyab culture of Kokcha 3]. *Materialy Khorezmskoi ekspeditsii* [Materials of the Khorezm expedition]. Moscow, Nauka Publ., 1961, is. 5, pp. 3—96. (In Russian)
20. Kuz'mina E. E. Andronovskie mogil'niki na r. Baitu (o nekotorykh detalyakh andronovskogo pogrebal'nogo obryada) [Andronovo burial grounds on the River Baitu (on some details of the Andronovo funeral rite)]. *Kratkie soobshcheniya instituta arkheologii AN SSSR* [Brief Communications of the Institute of Archeology of the USSR Academy of Sciences]. 1964, no. 97, pp. 39—49. (In Russian)
21. Kuz'mina E. E. *Otkuda prishli indoarii? Material'naya kul'tura plemen andronovskoi obshchnosti i proiskhozhdenie indoirantsev* [Where did the Indo-Aryans come from? The material culture of the Andronovo tribes and the origin of the Indo-Iranians]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1994. 462 p. (In Russian)
22. Kuz'mina E. E. *Klassifikatsiya i periodizatsiya pamyatnikov andronovskoi kul'turnoi obshchnosti* [Classification and periodization of monuments of the Andronovo cultural community]. Aktobe, PrintA Publ., 2008. 358 p. (In Russian)
23. Kuz'mina O. V., Mikhailova O. V., Subbotin I. P. Kurgannyi mogil'nik epokhi bronzы Vladimirovskii I [Kurgan burial ground of the Bronze Age Vladimirovsky I]. *Voprosy arkheologii Povolzh'ya* [Issues of archeology of the Volga region]. 2003, is. 3, pp. 217—260. (In Russian)
24. Kupriyanova E. V. *Novye materialy raskopok mogil'nika Stepnoe VII (2016 g.) v sisteme petrovskopalakul'skikh drevnostei Yuzhnogo Zaural'ya* [New materials of excavation of the burial ground Stepnoy VII (2016) in the system of Petrovsky-Alakul antiquities of the South Trans-Urals]. *Arkheologicheskie pamyatniki Orenburzh'ya* [Archaeological monuments of the Orenburg region]. Orenburg, 2017, is. 13, pp. 90—103. (In Russian)
25. Kupriyanova E. V., Zdanovich D. G. *Drevnosti lesostepnogo Zaural'ya: mogil'nik Stepnoe VII* [Antiquities of the forest-steppe Trans-Urals: burial ground Stepnoy VII]. Chelyabinsk, Entsiklopediya Publ., 2015. 196 p. (In Russian)

26. Litvinenko R. A. O tak nazyvaemykh “poyasnykh pryazhkakh” v pamyatnikakh bronzovogo veka Volgo-Ural’ya [On the so-called “belt buckles” in the Bronze Age monuments of the Volga-Ural region]. *XV Ural’skoe arkheologicheskoe soveshchanie: tez. dokl. mezhdunar. nauch. konf. 12—21 apr. 2001 g.* [XV Ural archaeological meeting. Theses of Internat. sci. conf. Apr. 12—21, 2001]. Orenburg, Orenburgskaya guberniya Publ., 2001, pp. 90—93. (In Russian)
27. Maksimenkov G. A. Pogrebal’nye pamyatniki epokhi bronzы Minusinskoj kotloviny — istochnik izucheniya semeinykh i obshchestvennykh otnoshenij [Funeral monuments of the Bronze Age of the Minusinsk depression — a source for studying family and social relations]. *Bronzovyi i zheleznyi vek Sibiri* [Bronze and Iron Age of Siberia]. Novosibirsk, Nauka. Sib. otd-nie Publ., 1974, pp. 8—17. (In Russian)
28. Malov N. M. Pogrebeniya s bulavami i vtokami iz Natal’inskogo mogil’nika [Burials with clubs and rear arrowhead from the Natalinsky burial ground]. *Arkheologiya Vostochno-Evropskoi stepi* [Archeology of the East European Steppe]. Saratov, Sarat. un-t Publ., 1991, is. 2, pp. 15—42. (In Russian)
29. Mandel’shtam A. M. *Pamyatniki epokhi bronzы v Yuzhnom Tadjikistane* [Bronze Age Monuments in Southern Tajikistan]. Leningrad, Nauka. Leningr. otd-nie Publ., 1968. 184 p. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR. Tr. Tadjikskoi arkheol. ekspeditsii In-ta arkheologii AN SSSR i In-ta istorii imeni A. Donisha AN Tadjikskoi SSR. № 145. Vol. 6). (In Russian)
30. Morgunova N. L. Kurgany u sel Krasnokholm i Kardailovo v Ilekskom raione [Mounds near the villages of Krasnokholm and Kardailovo in the Ilek district]. *Arkheologicheskie pamyatniki Orenburzh’ya* [Archaeological monuments of the Orenburg region]. Orenburg, 1996, is. 1, pp. 8—43. (In Russian)
31. Morgunova N. L., Gol’eva A. A., Degtyareva A. D., Evgen’ev A. A., Kuptsova L. V., Salugina N. P., Khokhlova O. S., Khokhlov A. A. *Skvortsovskii kurgannyi mogil’nik* [Skvortsovsky burial ground]. Orenburg, OGPU Publ., 2010. 160 p. (In Russian)
32. Morgunova N. L., Evgen’ev A. A., Kuptsova L. V. Pogrebal’nyi kompleks sintashtinskogo vremeni na poselenii Maloyuldashevo I v Zapadnom Orenburzh’e [The funeral complex of Sintashta time at the settlement of Maloyuldashevo I in the Western Orenburg region]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. 2015, vol. 43, no. 2, pp. 64—71. (In Russian)
33. Nelin D. V. Pogrebeniya epokhi bronzы s bulavami v Yuzhnom Zaural’e i Severnom Kazakhstane [Burials of the Bronze Age with clubs in the South Trans-Urals and Northern Kazakhstan]. *Rossiya i Vostok: problemy vzaimodeistviya* [Russia and the East: problems of interaction]. Chelyabinsk, Chelyab. gos. un-t Publ., 1995, part. 5, book 1, pp. 132—136. (In Russian)
34. *Pamyatniki srubnoi kul’tury: Volgo-Ural’skoe mezhdurech’e* [Monuments of Timber grave culture: Volga-Ural interfluve]. Saratov, Sarat. un-t Publ., 1993. 200 p. (In Russian)
35. Podgaetskii G. V. Mogil’nik epokhi bronzы bliz g. Orska [The burial ground of the Bronze Age near the city of Orsk]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Materials and research on archeology of the USSR]. 1940, no. 1, pp. 69—82. (In Russian)
36. P’yankova L. T. K voprosu o semeinykh i obshchestvennykh otnosheniyakh v epokhu pozdnei bronzы (po materialam mogil’nikov vakhshskoi kul’tury) [To the question of family and social relations in the Late Bronze Age (based on materials from the cemeteries of the Vakhsh culture)]. *Material’naya kul’tura Tadjikistana* [Material Culture of Tajikistan]. Dushanbe, 1987, is. 4, pp. 43—70. (In Russian)
37. Rafikova Ya. V. Parnye pogrebeniya srubno-alakul’skoi kontaktnoi zony yuzhnogo Zaural’ya [Paired burials of the Srub-Alakul contact zone of the Southern Trans-Urals]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2008, no. 18 (119), Istoriya. Is. 25, pp. 5—13. (In Russian)
38. Rafikova Ya. V. Parnye pogrebeniya epokhi pozdnei bronzы na Yuzhnom Urale [Paired burials of the Late Bronze Age in the South Urals]. *Etnicheskie vzaimodeistviya na Yuzhnom Urale: sbornik nauch. tr.* [Ethnic interactions in the South Urals. Collect. of sci. works]. Chelyabinsk, 2009, pp. 46—48. (In Russian)
39. Rafikova Ya. V. Parnye pogrebeniya alakul’skoi kul’tury na Yuzhnom Urale [Paired burials of Alakul culture in the South Urals]. *Arii stepei Evrazii: Epokha bronzы i rannego zheleza v stepyakh Evrazii i na sopredel’nykh territoriyakh: sbornik pamyati E. E. Kuz’mino* [Arias of the steppes of Eurasia: The era of bronze and early iron in the steppes of Eurasia and in adjacent territories. Collect. of sci. works]. Barnaul, Altaiskii gos. un-t Publ., 2014, pp. 228—243. (In Russian)
40. Rafikova Ya. V. Neodnovremennye parnye pogrebeniya iz alakul’skikh mogil’nikov Yuzhnogo Urala i Zapadnogo Kazakhstana [Non-simultaneous paired burials from Alakul burial grounds of the Southern Urals and Western Kazakhstan]. *Muzhskoi i zhenskii mir v otrazhenii arkheologii* [Male and female world in the reflection of archeology]. Ufa, 2018, pp. 50—62. (In Russian)
41. Rafikova Ya. V., Fedorov V. K. *Kurgany Yuzhnogo Zaural’ya. Kn. 1. Uchalinskii i Abzelilovskii raiony Respubliki Bashkortostan* [Mounds of the South Trans-Urals. Book 1. Uchalinsky and Abzelilovsky districts of the Republic of Bashkortostan]. Ufa, Kitap Publ., 2017. 244 p. (In Russian)

42. Rafikova Ya. V., Savel'ev N. S. Parnye pogrebeniya mogil'nika epokhi pozdnei bronzy Tashla-I v Bashkirskom Zaural'e [Paired burials of the late Bronze Age burial ground of Tashla-I in the Bashkir Trans-Urals]. *Etnicheskie vzaimodeistviya na Yuzhnom Urale: materialy VI Vseros. nauch. konf.* [Ethnic interactions in the Southern Urals. Proceed. of VI All-Russia sci. conf.]. Chelyabinsk, ChelGKM Publ., 2015, pp. 151—159. (In Russian)
43. Rafikova Ya. V., Savel'ev N. S. Narushennye pogrebeniya mogil'nika epokhi pozdnei bronzy Tashla-1 v Bashkirskom Zaural'e [Disturbed burials of the late bronze age Tashla-1 in Bashkir Transurals]. *Ufimskii arkheologicheskii vestnik*, 2015, is. 15, pp. 13—20. (In Russian)
44. Sal'nikov K. V. Kurgany na ozere Alakul' [Mounds on Alakul Lake]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Materials and Research on Archeology of the USSR]. 1952, no. 24, pp. 4—71. (In Russian)
45. Sal'nikov K. V. *Ocherki drevnei istorii Yuzhnogo Urala* [Essays on the ancient history of the Southern Urals]. Moscow, Nauka Publ., 1967. 408 p. (In Russian)
46. Semenova A. P. Pogrebal'nye pamyatniki srubnoi kul'tury [Funeral monuments of the Srubny culture]. *Istoriya Samarskogo Povolzh'ya s drevneishikh vremen do nashikh dnei. Bronzovyi vek* [History of the Samara Volga region from ancient times to the present day. Bronze Age]. Samara, Samarskii nauch. tsentr Rossiiskoi akademii nauk Publ., 2000, pp. 152—208. (In Russian)
47. Sorokin V. S. *Mogil'nik bronzovoi epokhi Tasty-Butak I v Zapadnom Kazakhstane* [Burial ground of the Bronze Age of Tasty-Butak I in Western Kazakhstan]. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1962. 207 p. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR. № 120). (In Russian)
48. Tkachev V. V. Nachal'nyi etap pozdnego bronzovogo veka v stepnom Priural'e (zapadnoalakul'skaya kul'turnaya gruppa) [The initial stage of the late Bronze Age in the steppes of the Urals (Western Alakul cultural group)]. *Kul'turnoe nasledie stepei Severnoi Evrazii* [Cultural Heritage of the Steppes of Northern Eurasia]. Orenburg, In-t stepi UrO RAN Publ., 2000, is. 1, pp. 29—43. (In Russian)
49. Tkachev V. V. Otnositel'naya khronologiya kul'turnykh obrazovaniy kontsa epokhi srednei — nachala pozdnei bronzy v stepnom Priural'e [The relative chronology of cultural formations of the late Middle — Early Late Bronze Age in the steppes of the Urals]. *Voprosy istorii i arkheologii Zapadnogo Kazakhstana* [Problems of History and Archeology of Western Kazakhstan]. 2002, is. 1, pp. 48—64. (In Russian)
50. Tkachev V. V. Nachalo alakul'skoi epokhi v Uralo-Kazakhstanskom regione [The beginning of the Alakul era in the Ural-Kazakhstan region]. *Stepnaya tsivilizatsiya Vostochnoi Evrazii* [Steppe civilization of Eastern Eurasia]. Astana, KUL TEGIN Publ., 2003, vol. 1: Drevnie epokhi, pp. 109—124. (In Russian)
51. Tkachev V. V. Mogil'nik Vostochno-Kuraili I na Ileke i problema formirovaniya zapadnoalakul'skoi kul'turnoi gruppy [The burial ground of East Kuraili I on Ilek and the problem of the formation of the Western Alakul cultural group]. *Voprosy istorii i arkheologii Zapadnogo Kazakhstana* [Problems of History and Archeology of Western Kazakhstan]. 2005, is. 2, pp. 36—69. (In Russian)
52. Tkachev V. V. *Stepi Yuzhnogo Priural'ya i Zapadnogo Kazakhstana na rubezhe epokh srednei i pozdnei bronzy* [Steppes of the South Urals and Western Kazakhstan at the Turn of the Middle and Late Bronze Ages]. Aktobe, Aktyub. obl. tsentr istorii, etnografii i arkheologii Publ., 2007. 384 p. (In Russian)
53. Tkachev V. V. Protsessy kul'turogeneza na zapadnoi periferii alakul'skogo areala [Process of culture genesis at Western periphery of Alacul area]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, 2007, no. 17, pp. 429—442. (In Russian)
54. Usmanova E. R. *Pamyatniki Lisakovskoi okrugi: arkheologicheskie syuzhety* [Monuments of the Lisakovsky District: archaeological subjects]. Karaganda, Lisakovsk, Tengri Ltd Publ., 2013. 336 p. (In Russian)
55. Fedoruk O. A. Sovmestnye zakhoroneniya v andronovskikh mogil'nikakh stepnogo i lesostepnogo Altaya [Joint burials in the Andronovo burial grounds of the steppe and forest-steppe Altai]. *Chelovek i sever: Antropologiya, arkheologiya, ekologiya: materialy Vseros. konf.* [Man and the North: Anthropology, Archeology, Ecology. Proceed. of All-Russia conf.]. Tyumen, 2015, is. 3, pp. 193—196. (In Russian)